РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории
естествознания и техники им. С. И. Вавилова
Санкт-Петербургский филиал

Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П. К. Козлова)

Международная научная конференция
15–17 октября 2013 г.
Санкт-Петербург

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
2013

RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for the History of Science and Technology
named after S. I. Vavilov
Saint-Petersburg Branch

The Russian exploration of Central Asia in historical perspective and its contemporary aspects

(In commemoration of the 150th anniversary of Petr K. Kozlov)

International Conference
15–17 October 2013
Saint-Petersburg

Book of Abstracts

Saint-Petersburg
2013

Оргкомитет конференции:

Председатели оргкомитета:
вице-президент РГО, проф. К. В. Чистяков
член-корреспондент РАН Ю. М. Батурин
Заместитель председателя: Т. И. Юсупова
Члены Оргкомитета: Андреев А. И., Елихина Ю. И., Ковалев А. А., Колчинский Э. И., Комиссаров Б. Н., Леонов В. П., Матвеева М. Ф., Попова И. Ф., Постников А. В., Пугачев О. Н., Разумовский В. М., Снытко В. А., Тропп Э. А., Тункина И. В.

Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П. К. Козлова). Международная научная конференция. 15–17 октября 2013 г., Санкт-Петербург. Тезисы докладов / Отв. ред. К. В. Чистяков, ред.-сост. Т. И. Юсупова. – СПб.: Политехника-сервис, 2013. – 123 с.

ISBN 978-5-906078-93-3

В сборник вошли материалы Международной научной конференции **«Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты»**, посвященной 150-летию русского путешественника, исследователя Центральной Азии П.К. Козлова (1863–1935).

The Russian exploration of Central Asia in historical perspective and its contemporary aspects (In commemoration of the 150th anniversary of Petr K. Kozlov). International Conference. 15–17 October 2013, Saint-Petersburg. Book of Abstracts / K. V. Chistyakov, editor-in-chief, T. I. Yusupova, editor. – SPb.: Politehnika-servis, 2013. – 123 p.

The book contains the proceedings of the International Conference **"The Russian exploration of Central Asia in historical perspective and its contemporary aspects"** devoted to the 150 years of the eminent Russian traveller and explorer of Central Asia Petr K. Kozlov (1863–1935).

Публикация подготовлена и осуществлена при поддержке гранта Русского географического общества – 2013 г. Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 13-06-06139г

ISBN 978-5-906078-93-3

© РГО, 2013
© СПбФ ИИЕТ РАН, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 11

А. И. Андреев. Несбывшиеся мечты о Лхасе: Тибет в исследованиях П. К. Козлова (научные и политические аспекты) 14
М. К. Басханов. «Не ковром была постлана нам дорога в глубь Азии»: феномен эпохи русских «географических генералов» 16
Ю. М. Батурин. «Военно-ученые» экспедиции в Синьцзян и секретная «дорога жизни» в 1937–1943 гг. 18
Любош Белка (Lubos Belka). Lumir Jisl: Czech Explorer in Mongolia 1950s–1960s 20
Е. В. Бойкова. Российское военное монголоведение (конец XIX – начало XX в.) 21
Л. Я. Боркин, С. Н. Литвинчук. «Большая игра» в Нагорной Азии (Памир – Гималаи) и полевые натуралисты 24
Р. М. Валеев, В. Н. Тугужекова. Научное путешествие Н. Ф. Катанова в Сибирь, Восточный Туркестан и его вклад в историко-этнографическое изучение тюркских народов Евразии. 27
Хокан Вальквист (Håkan Wahlquist). Gaining access to the field in Central Asia: Sven Hedin, Russia and Great Britain at the turn of the last century 29
О. А. Валькова. Судьба Туркестанских коллекций О. А. и А. П. Федченко 30
И. Р. Гарри. Монголо-Камская экспедиция П. К. Козлова и современные исследования Восточного Тибета 32
Т. Ю. Гнатюк. Природоохранная деятельность П. К. Козлова: Аскания-Нова 33
А. П. Горбунов, И. А. Горбунова. Штрихи к последней экспедиции П. К. Козлова (из воспоминаний Е. П. Горбуновой) 36
П. Д. Гунин, Ч. Дугаржав, С. Н. Бажа, Е. В. Данжалова, Н. И. Дорофеюк, Ю. И. Дробышев, А. В. Прищепа, С.-Х. Д. Сыртыпова. Роль Совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции РАН и Академии наук Монголии в решении экологических проблем Внутренней Азии . . 38
Г. В. Длужневская. Фотографии по Монголии в фотоотделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН 40
Ю. И. Дробышев. Этническая экология Северо-Западного Китая (по материалам русских путешественников рубежа XIX–XX вв.) . 42
Ю. И. Елихина. Различные методы исследования находок из Ноин-Улы, хранящихся в Государственном Эрмитаже 45
И. А. Захаренко. Деятельность Генерального штаба России в географическом и картографическом изучении Центральной Азии 47

Д. В. Иванов. Коллекция братьев Шлагинтвейт в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН 49
Вероника Капишовска (Veronika Kapišovská). История издания книги «Монголия и Амдо и Мертвый город Хара-Хото» на чешском языке 51
А. А. Ковалев. Основные итоги работ Международной Центрально-азиатской археологической экспедиции в Монголии и Казахстане (1998–2012 гг.) 52
А. А. Колесников. Геополитическое значение миссий Н. М. Пржевальского в Центральную Азию 55
М. Б. Конашев. Экспедиции Лаборатории генетики АН СССР в Среднюю Азию (1925–1935 гг.). 58
Н. Н. Кравклис. Центральная Азия в судьбах смоленских путешественников 61
О. А. Красникова. Новое о карте Китая, присланной Петру I императором Кан-си (Kangxi) 63
Н. Г. Краснодембская, Е. С. Соболева. МАЭ в судьбе востоковеда М. С. Андреева – исследователя Центральной Азии. 64
Мария-Катарина Ланг (Maria-Katharina Lang). Hans Leder and his Mongolian Collections. 66
В. В. Лебедева. В. К. Арсеньев и П. К. Козлов: к вопросу о значении профессионального сотрудничества в становлении исследователя-этнографа Дальнего Востока. 67
М. В. Мандрик. К биографии исследователя Центральной Азии геолога И. П. Рачковского 70
С. С. Миняев. Ноин-улинские находки экспедиции П. К. Козлова в контексте новых исследований 72
Владимир Новотный (Vladimir Novotny). Emanuel Vlcek and Piotr K. Kozlov: Czech Contribution to one Kozlov's Excavation in Mongolia 1924 75
Н. В. Полосьмак, Е. С. Богданов. Новые исследования ноин-улинских курганов. 76
О. Н. Полянская. Монголия в исследованиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии 77
И. Ф. Попова. Находки П. К. Козлова и изучение древней истории Центральной Азии. 80
А. В. Постников. Свидетельства о ранних контактах россиян с Тибетом в «Меморандумах о Тибете» Джорджа Богла (1774–1775 гг.): к истории начального этапа «Большой игры» в Азии 82
Р. Л. Потапов. Роль П. К. Козлова в изучении северо-восточной окраины Тибетского нагорья. 84
С. В. Рожнов, А. Ю. Розанов. Палеонтологические исследования в Монголии. 87

Н. Н. Серегин. Вклад российских исследователей в изучение погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии . 90
Мартин Слободник (Martin Slobodník). Labrang monastery in the eyes of P. K. Kozlov and other foreign visitors 93
В. А. Снытко. Академик В. Б. Сочава как исследователь Центральной Азии 94
Н. А. Сутягина, Г. Л. Иванов. Баллодовский курган: исследователи и коллекции. 97
Давид Схиммельпеннинк ван дер Ойе (David Schimmelpenninck van der Oye). Агенты империи? Русские путешественники и Большая игра 98
Т. Ю. Феклова. Подготовка экспедиции к Аральскому морю 1837–1839 гг.: организационные и финансовые аспекты 99
А. А. Хисамутдинов. П. К. Козлов в воспоминаниях И. И. Серебренникова (Китай). 101
Е. В. Шелепова. Кочевые культуры Монголии: историко-археологическое изучение в XIX и начале XX в. 102
В. А. Широкова. Каспийская экспедиция Бэра: 1853–1857 гг. 105
Н. В. Юсупова. К истории публикаций дневников Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова 1907–1909 гг. 108
Т. И. Юсупова. Центральная Азия в судьбе и открытиях П. К. Козлова 111
Н. И. Ясинецкая. История открытия, отлова в природе и завоза в зоопарки лошади Пржевальского 113

CONTENTS

Preface 11

A. I. Andreev. The unrealised dreams of Lhasa: scientific and political aspects of the exploration of Tibet by P. K. Kozlov 14
M. K. Baskhanov. "There was no red carpet on our path into the heart of Asia": the era of Russian "geographical generals" 16
Yu. M. Baturin. "Military-scholarly" expeditions to Xinjiang and the secret "road of life" in 1937–1943 18
Lubos Belka. Lumir Jisl: A Czech explorer in Mongolia, 1950s –1960s . 20
E. V. Boikova. Russian military studies in Mongolia (at the turn of the 20th century) 21
L. Ya. Borkin, S. N. Litvinchuk. The Great Game in Central Asia and field naturalists 24
R. M. Valeev, V. N. Tuguzhekova. The academic journey of N. F. Katanov to Siberia, Eastern Turkestan and his contribution to the historical-ethnographic study of Eurasia's Turkic peoples . . . 27
Håkan Wahlkquist. Gaining access to the field in Central Asia: Sven Hedin, Russia and Great Britain at the turn of the century . . . 29
O. V. Valkova. The fate of the Turkestan collections of O. A. and A. P. Fedchenko 30
I. R. Garri. The Mongolia–Kham Expedition of P. K. Kozlov and the contemporary study of Eastern Tibet 32
T. Yu. Gnatyuk. The environmental conservation activities of P. K. Kozlov: Askania-Nova 33
A. P. Gorbunov, I. A. Gorbunova. Reflections on the last expedition of P. K. Kozlov (from the memoirs of E. P. Gorbunova) 36
P. D. Gunin et al. The role of the joint biological expedition of the Russian Academy and the Academy of Sciences of Mongolia to study Central Asian ecological problems 38
G. V. Dluzhnevskaya. The photographs of Mongolia in the photographic part of the Scholar archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences . . 40
Yu. I. Drobyshev. The ethnic ecology of North-Western China (on the materials of Russian travelers at the turn of the 20th century) 42
Yu. I. Elikhina. On various methods of study of the Noin-Ula artefacts, preserved at the State Hermitage 45
I. A. Zakharenko. The activities of the Russian General Staff in the geographic and cartographic exploration of Central Asia 47
D. V. Ivanov. The collection of brothers Schlagintweit in the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkammer), Russian Academy of Sciences. 49
Veronika Kapišovská. On the history of the publication of P. K. Kozlov's book "Mongolia and Amdo and the dead city of Khara Khoto" in the Czech language 51

A. A. Kovalev. The main results of the activities of the International Central Asian archeological expedition in Mongolia and Kazakhstan (1998– 2012) 52
A. A. Kolesnikov. The geopolitical aspect of the missions of N. M. Przhevalsky in Central Asia. 55
M. B. Konashev. The expeditions of the Laboratory of genetics of the Academy of Sciences of the USSR to Central Asia (1925–1935) 58
N. N. Kravklis. Central Asia in the life-journey of its explorers from Smolensk 61
O. A. Krasnikova. New details about the map of China sent to Peter the Great by the Kangxi Emperor 63
N. G. Krasnodembskaya, E. S. Soboleva. The Museum of anthropology and ethnography in the career of a Central Asian explorer M. S. Andrejev. 64
Maria-Katharina Lang. Hans Leder and his Mongolian Collections . . 66
V. V. Lebedeva. V. K. Arsenijev and P. K. Kozlov: the importance of professional cooperation for the development of the career of ethnographer and the East Asia explorer 67
M. V. Mandrik. The biography of the geologist and Central Asia explorer I. P. Rachkovsky 70
S. S. Minyev. The Noin-Ula finds of the P. K. Kozlov's expedition in the context of new research 72
Vladimir Novotny. Emanuel Vlcek and Piotr K. Kozlov: a Czech contribution to Kozlov's excavations in Mongolia, 1924 75
N. V. Polosmak, E. S. Bogdanov. The new exploration of the Noin-Ula mounds 76
O. N. Polyanskaya. Mongolia in the explorations of the Russian Committee for the Research of the Middle and East Asia 77
I. F. Popova. P. K. Kozlov's discoveries and the study of Central Asian medieval history 80
A. V. Postnikov. The testimonies of early contacts of Russians with Tibet in the "Memorandums of Tibet" by George Bogle (1774–1775): a propos the early history of the Great Game in Asia . 82
R. L. Potapov. The role of P. K. Kozlov in the exploration of the north-east fringes of the Tibetan plateau 84
S. V. Rozhnov, A.Yu. Rozanov. Palaeontological explorations in Mongolia 87
Seregin N. N. The contribution of Russian explores to the study of the burial grounds of the early medieval Turks in Mongolia 90
Martin Slobodnik. The Labrang monastery in the eyes of P. K. Kozlov and other foreign visitors 93
V. A. Snytko. Academician V. B. Sochava as an explorer of Central Asia 94
N. A. Sutyagina, G. L. Ivanov. The Ballod mound: its explorers and collections 97

David Schimmelpenninck van der Oye. Agents of the Empire? Russian explorers and the Great Game 98
T. Yu. Feklova. The expedition to the Aral Sea, 1837–1839: organization and financing 99
A. A. Khisamutdinov. P. K. Kozlov in the recollections of I. I. Serebrennikov (China) 101
E. V. Shelepova. The nomadic cultures of Mongolia: historical-archeological studies at the turn of the 20th century 102
V. A. Shirokova. The Caspian Expedition under C. Bär (1853–1857). . 105
N. V. Yusupova. The history of publication the diaries of P. K. Kozlov's Mongolia-Sichuan expedition (1907–1909) 108
T. I. Yusupova. Central Asia in the fate and the discoveries of P. K. Kozlov 111
N. I. Yasinetskaya. The discovery, capture and conveyance of the Przhevalsky horse to zoos 113

ПРЕДИСЛОВИЕ

Конференция «Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П. К. Козлова)» организована Русским географическим обществом и Санкт-Петербургским филиалом Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук. Конференция посвящена юбилею замечательного российского путешественника, исследователя Центральной Азии Петра Кузьмича Козлова (1863–1935).

Выбор проблематики конференции обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, история изучения Центральной Азии является одной из ярчайших страниц деятельности Русского географического общества, и, во-вторых, этот регион и сегодня продолжает оставаться одним из самых востребованных направлений экспедиционных исследований российских ученых.

Центральная Азия, прежде всего, территория Монголии, Западного и Центрального Китая, Тибета, стала объектом пристального внимания российских и европейских исследователей с середины XIX века. Это было обусловлено рядом причин военно-политического и торгово-экономического характера. Борьба великих держав за доминирование в Азии стимулировала активное научное освоение этого региона, своеобразное соревнование между исследователями разных стран по сбору географических сведений и описанию малоизвестных территорий.

Что касается российских исследований, то особую роль в познании Центральной Азии сыграли экспедиции Русского географического общества, прежде всего, Н. М. Пржевальского и блестящей плеяды его учеников и последователей: М. В. Певцова, Г. Н. Потанина, В. И. Роборовского, П. К. Козлова, братьев М. Е. и Г. Е. Грумм-Гржимайло и др.

Среди «героев географической науки», посвятивших свою жизнь изучению Центральной Азии, П. К. Козлов занимает одно из самых видных мест, признанное российским и международным научным сообществом. П. К. Козлов не только жил в эпоху географических открытий в Центральной Азии, но и сам сумел стать одним из тех, кто создавал эту эпоху. Его экспедиционная деятельность «под флагом РГО» продолжалась более сорока лет. С 1883 по 1926 гг. он совершил шесть больших экспедиций в Монголию, Западный и Северный Китай, Восточный Тибет, три из которых возглавил

лично. Он оставил яркий след в изучении региона и сыграл важную роль в популяризации российских географических успехов, в привлечении общественного внимания к профессии путешественника в первой четверти XX века. Привезенные П. К. Козловым естественно-исторические и археологические коллекции обогатили российские музеи и способствовали развитию многих направлений ботанической, географической, зоологической, исторической наук и археологии. Эти коллекции являются до сих пор актуальными для решения целого ряда научных проблем и используются как отечественными, так и зарубежными исследователями.

Экспедиции П. К. Козлова завершили «эпический», по выражению Н. М. Пржевальского, период экстенсивно-описательного изучения Центральной Азии, передав эстафету специализированным экспедициям Академии наук и других научных учреждений, которые продолжают и развивают традиции, заложенные российскими учеными в XIX–XX вв. В Центральной Азии проводят исследования совместные экспедиции по разным научным направлениям. Так, в частности, работают Российско-Монгольские Археологическая, Биологическая, Палеонтологическая, Географическая экспедиции, Международная археологическая экспедиция и др.

Основной задачей конференции является рассмотрение на основе междисциплинарных подходов широкого круга вопросов, относящихся к различным аспектам научной и экспедиционной деятельности российских исследователей Центральной Азии в исторической перспективе. В докладах будут освещены геополитические аспекты интереса к данному региону, проанализированы результаты естественно-научного, археологического и этнографического изучения Центральной Азии российскими исследователями, формы международного сотрудничества ученых по изучению региона и оценка их совместной деятельности, современное состояние этой сферы знания в российской науке, ее достижения и перспективы развития и международного сотрудничества; представлены новые архивные материалы о деятельности ученых и путешественников – исследователей Центральной Азии.

В конференции принимают участие ученые Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Новосибирска и других российских городов, а также исследователи из Канады, Монголии, Словакии, Украины,

Чехии, Швеции. География участников конференции свидетельствует, что центральноазиатский регион по-прежнему остается местом активного исследовательского интереса международного научного сообщества.

Публикуемые тезисы позволяют надеяться, что конференция будет способствовать дальнейшей разработке истории изучения Центральной Азии и современного состояния этого направления исследовательской деятельности российских ученых.

К. В. Чистяков, Т. И. Юсупова

А. И. Андреев,
Музей-квартира П. К. Козлова,
СПбФ ИИЕТ РАН

НЕСБЫВШИЕСЯ МЕЧТЫ О ЛХАСЕ: ТИБЕТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ П. К. КОЗЛОВА (НАУЧНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)*

Начало российским исследованиям Тибета, как известно, было положено Н. М. Пржевальским. Впервые он поднялся на Тибетское плато в конце 1872 г., на завершающем этапе своей первой Центральноазиатской экспедиции, и его пионерные исследования получили продолжение в последующие годы в ходе еще двух путешествий (в 1879–1880 и 1883–1885 гг.). После смерти Пржевальского «рекогносцировка» Тибета была продолжена его талантливыми преемниками М. В. Певцовым, В. И. Роборовским и П. К. Козловым.

П. К. Козлов впервые побывал в Тибете в составе последней экспедиции Пржевальского (1883–1885 гг.) и затем работал в экспедициях М. В. Певцова (1889–1890 гг.) и В. И. Роборовского (1893–1895 гг.). В этих трех путешествиях он приобрёл необходимый опыт и навыки полевой работы (ведение маршрутной съемки, инструментальные наблюдения, собирание естественно-исторических коллекций) и окончательно сформировался как самостоятельный исследователь, готовый к постановке и решению собственных задач.

Основной заслугой П. К. Козлова в изучении Тибета являются его работы в северо-восточной части страны – в Кхаме и на Амдосском нагорье — во время двух руководимых им экспедиций – Монголо-Камской и Монголо-Сычуаньской (1899–1901 и 1907–1909 гг.). Путешественнику удалось собрать огромный и ценнейший материал, до сих пор не утративший своего значения. Собранные Козловым сведения о природе, истории и общественной жизни Тибета были позднее суммированы в книге «Тибет и Далай-лама» (1920).

* Доклад подготовлен при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-33-01065а.

Эти две экспедиции стали завершающим этапом российских исследований Тибета. Неблагоприятная международная конъюнктура (англо-русское соперничество в Центральной Азии), мировая война, противодействие царских властей (МИД и Главный штаб) и затем советских (НКИД, Политбюро ЦК) не позволили Козлову отправиться в заповедный Тибет в 1906, 1911, 1914 и 1923–1926 гг. Не осуществились и планы его самой необычной экспедиции, которые он обсуждал в 1929 г. с Н. П. Горбуновым, – полет в Лхасу на дирижаблях по примеру Р. Амундсена.

В докладе вкратце резюмируются результаты работ Козлова в Тибете, показано влияние геополитического фактора на исследования путешественника и рассмотрены некоторые из его неосуществленных проектов – попытки организовать экспедиции в Тибет в 1906 и 1911 гг. с научно-дипломатическими целями.

М. К. Басханов,
г. Глазго, Великобритания

«НЕ КОВРОМ БЫЛА ПОСТЛАНА НАМ ДОРОГА В ГЛУБЬ АЗИИ»: ФЕНОМЕН ЭПОХИ РУССКИХ «ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ГЕНЕРАЛОВ»

История географического изучения Центральной Азии российскими путешественниками, несмотря на обилие научной литературы, еще содержит немало малоизученных тем и сюжетов, имеются и вопросы, которые с позиций сегодняшнего знания требуют переосмысления и новой интерпретации. Слова незабвенного Николая Михайловича Пржевальского, вынесенные в название сообщения, указывают на своеобразный исследовательский алгоритм темы: русские путешествия в глубь Центральной Азии — это сложный и многоплановый исторический феномен, требующий свежих подходов, тем и новых ракурсов. Одной из таких тем является история взаимодействия Императорского Русского географического общества (ИРГО) и Военного министерства в географическом изучении Центральной Азии. Предметом настоящего сообщения будет история совместных экспедиций ИРГО и Военного министерства по изучению Центральной Азии, которые явились наиболее масштабными и наиболее значимыми в естественно-научном отношении за всю историю изучения региона.

К последней трети XIX в. сложился целый набор исторических факторов, которые способствовали тесному взаимодействию русских географов и военных в организации масштабных экспедиций в Центральную Азию. Назовем наиболее важные их них. Во-первых, следует отметить фактор политический – активизация внешней политики России на Востоке, прежде всего в отношении Китая, Японии и Кореи. Фактор экономический – экспансия русского торгово-промышленного капитала на Востоке. Появление международно-правовой базы для организации русских путешествий в Китай (Айгунский 1858 г. и Пекинский 1860 г. договоры). Борьба великих держав за доминирование в Азии кроме политического, экономического и военно-стратегического имела еще и географическое измерение, суть которого заключалась в активной политике по сбору географических сведений и описанию малоизвестных территорий глубинной Азии, – явление, по-

лучившее в литературе название «географическая гонка». Фактор военно-стратегический – обустройство и оборона русских границ в Азии, потребность в сведениях для военного планирования и организации боевых действий на удаленных и неподготовленных театрах военных действий. Немаловажное значение имели успехи в развитии русской военной науки, таких исследовательских дисциплин, как военная география и военная статистика. К важному фактору относится и появление в России специализированных органов военного управления, непосредственно вовлеченных в изучение стран Востока: центральные – Главный штаб (Военно-ученый комитет, Азиатская часть и Военно-топографический отдел) и региональные – штабы и военно-топографические отделы азиатских военных округов. Важную роль сыграл корпус офицеров Генерального штаба, многие представители которого были активно задействованы в делах Востока. Наконец, следует отметить влияние и деятельность «военного лобби» в самом ИРГО.

Организация русских центральноазиатских экспедиций строилась по военному принципу и за период с 1871 г. (первое путешествие Н. М. Пржевальского в Центральную Азию) и до 1907 г. (Монголо-Сычуаньская экспедиция П. К. Козлова) претерпела значительную эволюцию. Существенно улучшились финансирование, материальная и научная база экспедиций, возросли их численность, автономность и продолжительность нахождения в «поле». Значительно расширился географический охват исследуемых территорий, возросла глубина проникновения в удаленные районы Центральной Азии. Претерпели эволюцию приемы и методы научных исследований, обработки полевых материалов и издания научных результатов экспедиций. Последовательно расширялся круг исследовательских задач, кроме традиционных тем – географии, статистики, геодезии и топографии, зоологии, ботаники к концу рассматриваемого периода добавились геология, этнография, археология. Преимущественно военные по составу экспедиции стали включать в себя и гражданских специалистов. Экспедиции все больше становились комплексными.

Русское географическое изучение Центральной Азии достигло своего исторического апогея к концу существования императорской России. После 1917 г. эта феноменальная и блистательная эпоха прекратила свое существование, став достоянием истории.

Ю. М. Батурин,
ИИЕТ РАН

«ВОЕННО-УЧЕНЫЕ» ЭКСПЕДИЦИИ В СИНЬЦЗЯН И СЕКРЕТНАЯ «ДОРОГА ЖИЗНИ» В 1937–1943 гг.

В Российской империи военно-разведывательная деятельность в Азии осуществлялась Азиатской частью Главного штаба. В Положении о ней в числе основных функций значилось «снаряжение военно-ученых и других экспедиций» [1, с. 71]. Одним из крупнейших военных разведчиков был знаменитый путешественник и ученый Н. М. Пржевальский. Его ученик П. К. Козлов потому и поступил на военную службу, что в разведывательно-научные экспедиции отбирались исключительно военные: каждую экспедицию планировали как рейд разведывательного отряда на период от нескольких месяцев до трех лет.

П. К. Козлов возвращался через Синьцзян в экспедиции Н. М. Пржевальского (1885 г.) и в экспедиции М. В. Певцова (1889 г.), а также в экспедиции В. И. Роборовского (1893 г.). С тех пор Синьцзян не оставался без внимания «военно-ученых» экспедиций многих стран. Особенно интересны периоды, предшествующие Второй мировой войне, и самой мировой войны.

В первом периоде можно отметить финансировавшуюся «исследовательским бюро» британской армии экспедицию 1931 г. Ауреля Штейна, наверное, лучшего европейского знатока Синьцзяна, первый раз посетившего этот район еще в конце XIX в., также британскую экспедицию под командованием полковника Стюарта 1931–1932 гг. и экспедицию Свена Гедина 1934–1935 гг. (Бейпин – Тайюань – Ланчжоу – Ганьчжоу – Сучжоу – Хами – Урумчи – Кашгар).

Во втором периоде особенно интересны 4 (!) экспедиции 1943 г., из которых три были направлены центральным правительством Китая, а четвертая была китайско-американской. Экспедиция численностью 28 человек под руководством Ло Цзя-луна имела столь широкие полномочия, что могла вмешиваться в любые направления деятельности в Синьцзяне. Другой экспедицией руководил Гу Юй-сю, инженер и писатель. Третьей – Хун Вэнь-би. Четвертую

экспедицию возглавлял Вальтер С. Лоудермилк – американец, «специалист штаба по изучению почв» [2, л. 25–26]. По рекомендации министра финансов Китая доктора Кун Сян-си в 1943 г. он был назначен на пост советника Исполнительного Юаня. По указанию из США организовал экспедицию, в которую включил восьмерых экспертов. За шесть месяцев экспедиция проделала по провинции путь в десять тысяч километров. После ее завершения В. С. Лоудермилк был вызван в США для доклада (видимо, в разгар Второй мировой войны одним из важнейших вопросов для США были почвы Синьцзяна).

На фоне такого значительного количества экспедиций представляется поразительным факт организации, проведения с 1937 по 1943 г. и сохранения в полной секретности специальной операции геостратегического характера Отдела (впоследствии Управления) спецзаданий Генштаба Красной армии, целью которой было снабжение Китая оружием, боеприпасами и другими военными материалами. Была построена специальная трасса («трасса Z»), перевозки по которой осуществляли караваны грузовиков. Рейс автокараванов в одну сторону продолжался около месяца, бензин на трассу завозился из СССР. А в кузове – авиабомбы (две-три в зависимости от размера), а то и самолет-истребитель И-16 со снятыми крыльями, которые тут же, в кузове, закреплены вдоль фюзеляжа. А сверху все это покрыто новеньким брезентом и тщательно заколочено по кузову гвоздями [3]. После потери бирманского канала снабжения «трасса Z» оставалась по сути «дорогой жизни» для воюющего Китая. Советский Союз, даже ведя тяжелейшую войну с Германией и ее сателлитами, не прекращал оказывать помощь борющемуся Китаю, причем эта помощь всю Вторую мировую войну и долгое время после нее оставалась строго охраняемой тайной. Да и сегодня о тех событиях известно чрезвычайно мало.

Литература

[1] *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М.: Издательский дом «Русская разведка», ИИА «Евразия +», 1998. Книга первая.

[2] Архив Министерства экономического развития и торговли. Фонд «в/о Совсиньторг». Оп. 12924. Д. 145.

[3] *Градов Ю.* Караван на перевале (неизвестная хроника 30-х годов) // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2–4.

Lubos Belka,
Masaryk University,
Brno, Czech Republic

LUMIR JISL: CZECH EXPLORER IN MONGOLIA 1950s–1960s

Lumir Jisl (1921–1969) was the Czech Archaeologist who visited Mongolia four times (1957, 1958, 1963 and shortly in 1969). He published several articles about his two main research fields. One of these was so called "lamaist art" of Mongolia and Tibet, and the other was Mongolian archaeology as he excavated Kültegin's memorial in the Orkhon Walley. Jisl died prematurely and his wife kept his rich (in the sense of academic value) heritage in a perfect state until her recent death. It represents large number of photographs, negatives, registers (i.e. card files), manuscripts, printed material, scientific correspondence, etc. Plus – the most important item of all, Jisl's private travelogues. The special value of the archive is that it contains much interesting visual and textual evidence on Mongolia at the turn of the 1950s and 1960s. It was a time when western visitors were very scarce there. The paper introduces Jisl's personality to a foreign audience, with a special focus will be on the 50th anniversary of his last large expedition to Mongolia.

Е. В. Бойкова,
ИВ РАН

РОССИЙСКОЕ ВОЕННОЕ МОНГОЛОВЕДЕНИЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Во второй половине XIX в. азиатская политика России заметно активизировалась, что было связано с необходимостью укрепления восточных границ и освоения приграничных территорий. Это было время расцвета российского монголоведения. В мировой науке хорошо известны имена таких исследователей Монголии, как Н. М. Пржевальский, Г. Е. Грум-Гржимайло, Г. Н. Потанин, М. В. Певцов, А. М. Позднеев, П. К. Козлов, Б. Я. Владимирцов, В. А. Обручев. Вклад этих ученых в российское и мировое монголоведение давно признан и не вызывает сомнения. Именно они в XIX в. положили начало систематическому и системному изучению Монголии.

Стремление России укрепить свое влияние на Востоке в конце XIX – начале XX в., особенно возросшее после Русско-японской войны 1905 г., и ее действия в этом направлении привели к дальнейшему развитию отечественного востоковедения, в том числе монголоведения. В этот период исследование Азии велось главным образом по линии Военного министерства, заинтересованного в расширении научных и практических знаний о Востоке, или же при его поддержке. Монгольское направление стало одним из основных в комплексе исследований, проводившихся российскими военными в сопредельных с Россией странах. Среди известных исследователей Центральной Азии были уже упоминавшиеся выше офицеры Генерального штаба Н. М. Пржевальский, П. К. Козлов, М. В. Певцов, а также В. Ф. Новицкий, Ю. Кушелев, В. Л. Попов и другие.

Однако существовала еще одна группа российских исследователей, о вкладе которых в изучение Монголии до настоящего времени сказано и написано недостаточно. Это офицеры Генерального штаба (А. Баранов, А. А. Баторский, П. Д. Орлов, Д. В. Путята, И. И. Стрельбицкий и многие другие), по заданию которого они выполняли в Монголии полевые исследования. Цель этих экспе-

диций была вполне конкретной – разведка и сбор географических, военных и статистических сведений об определенных местностях Монголии («научная рекогносцировка», как называл такие экспедиции Н. М. Пржевальский), составление топографических карт и последующая обработка собранных сведений. Имена некоторых из них знакомы специалистам в основном благодаря тому, что их работы были опубликованы в открытой печати. Однако отчеты большого числа военных исследователей об их пребывании в Монголии и проделанной там работе были опубликованы под грифом «для служебного пользования». Поскольку они носили военно-аналитический характер, то, естественно, довольно долго были недоступны широкому кругу читателей,

О вкладе военных исследователей в науку о Монголии не сказано почти ничего, так как они находились в этой стране по сути с разведывательными целями. В их задачи входило исследование малоизведанных территорий Монголии, ее физико-географических особенностей, составление географических карт, изучение внутриполитической и религиозной обстановки в стране. Полученные в ходе таких разведок сведения обобщались в Генеральном штабе, где концентрировались данные о возможных театрах военных действий.

Однако помимо этого большинство военных исследователей сумели собрать достаточно обширные данные для создания целостной картины изучаемой ими страны – Монголии. В их исследованиях сочетались политика и наука, главным образом географическая. Многие военные исследователи пытались выйти за узкие рамки поставленных перед ними задач, стремились разобраться в том, что собой представляет Монголия, понять эту страну.

Сведения, собранные военными исследователями в Монголии, можно разделить на две основные части: первую составляют описания маршрутов, географические сведения о тех местностях, которые они посещали; ко второй относятся собранные ими материалы этнографического характера, а также данные по истории Монголии в целом, ее политическому устройству, взаимоотношениям с соседними странами. Военные исследователи применяли свои знания в области военной географии в широком понимании этого термина на благо развития не только прикладной, но и академической науки. Характерной особенностью отчетов, подго-

товленных участниками этих экспедиций, была высокая степень надежности собранных данных.

Представителям военного востоковедения принадлежит важная роль в изучении Монголии в конце XIX – начале XX в. Они внесли немалый вклад в разностороннее изучение этой страны, в том числе ее истории, этнографии, географии, языка, собрали большой фактический материал, который представлял интерес не только для военного ведомства России, но и послужил источниковедческой базой для других исследователей Монголии. В силу того, что участники военных экспедиций были высокопрофессиональными специалистами-исследователями – географами, топографами, естествоиспытателями, они подходили к изучению страны комплексно, дополняя уже имевшиеся знания о Монголии новыми материалами и тем самым внося свой, пусть порой и скромный, на первый взгляд, вклад в расширение и углубление знаний о Монголии, в развитие российского монголоведения. Участники военных исследовательских экспедиций в Монголию по сути создали такую отрасль науки, как прикладное монголоведение, соединили его с академическим монголоведением, тем самым обогатив науку о Монголии.

Можно без особого преувеличения сказать, что военные исследователи Монголии кроме вклада в формирование научного монголоведения в России в виде военно-географических описаний отдельных районов страны в немалой степени способствовали развитию торгово-экономических, политических, дипломатических, культурных отношений России с Монголией.

Опыт военного монголоведения в дореволюционной России совершенно уникален, так как ни одна другая страна не вела подобных исследований в Монголии. Результаты научной деятельности военных исследователей Монголии позволяют с полным основанием говорить о том, что они внесли серьезный вклад в развитие отечественного монголоведения в дореволюционный период, создав самостоятельное направление в этой отрасли знаний – военное монголоведение.

Л. Я. Боркин,
ЗИН РАН,
Санкт-Петербургский союз ученых;
С. Н. Литвинчук
Институт цитологии РАН,
Санкт-Петербургский союз ученых

«БОЛЬШАЯ ИГРА» В НАГОРНОЙ АЗИИ (ПАМИР – ГИМАЛАИ) И ПОЛЕВЫЕ НАТУРАЛИСТЫ

Во второй половине XIX в. геополитические интересы двух крупных европейских государств, Британской и Российской империй, в результате их экспансий на Востоке напрямую столкнулись в Центральной Азии. Если британцы продвигались с юга, из Индии, то для России этот путь был закрыт и она использовала северный вариант. Однако внутренние районы Азии, включая ее нагорную часть, были практически не изучены. Для обеих империй это представляло большую проблему для проведения возможных военных операций и для колонизации. Необходимо было обследовать гигантскую, во многом неведомую территорию как в плане военных интересов, так и в отношении природных ресурсов. Последнее требовало участия подготовленных военных или непосредственно самих натуралистов.

Эта непростая задача решалась как Британией, так и Россией примерно одинаковыми методами. Во-первых, натуралисты включались в состав разного рода миссий дипломатического или военного характера, а во-вторых, организовывались специальные экспедиции, в задачи которых входило детальное описание посещаемых регионов, картирование, сбор необходимой информации, а также коллектирование растений, животных, минералов, предметов этнографии и т. д. Такие экспедиции получили название *военно-географических*. Для их подготовки помимо военных ведомств использовались и научные организации. В России главную роль играло Императорское Русское географическое общество, созданное в Санкт-Петербурге (1845), среди членов которой офицеры занимали не последнее место. Для обработки собранных научных материалов привлекалась Императорская Академия наук, где они потом обычно и хранились.

Русские экспедиции внесли огромный вклад в изучение Центральной Азии, устремляясь на юг по двум главным направлениям. Н. М. Пржевальский и его ученики В. И. Роборовский и П. К. Козлов, а также Г. Н. Потанин главное внимание уделяли северо-востоку Тибета и прилегающим районам Китая. Другие же исследователи (например, Б. Л. Громбчевский, Г. Е. Грум-Гржимайло) обследовали Центральную Азию в области Памира и соседних горных цепей, обрамляющих запад Тибета. Здесь, в этом обширном и весьма труднодоступном регионе высокогорной Азии (Памир, Гиндукуш, Каракорум и Гималаи), интересы Британии и России соприкасались самым непосредственным образом из-за близости Индии и Афганистана (Пакистан тогда входил в состав Британской Индии).

Два натуралиста внесли выдающийся вклад в изучение природы Памира и Западных Гималаев. Это были Николай Алексеевич Северцов (1827–1885) и Фердинанд Столичка (Ferdinand Stoliczka, 1838–1874).

Н. А. Северцов был первым европейцем, которому удалось посетить многие ранее неизвестные районы Туркестана. Благодаря своей неутомимой деятельности и истинному подвижничеству, он внес огромный вклад в изучение Западного Туркестана. В истории зоологических исследований этого региона даже выделяют специальный «северцовский» период. Н. А. Северцов заслуженно считается также одним из основателей отечественной экологии животных и зоогеографии. Тем не менее он не занимал каких-либо научных или преподавательских должностей и числился по военному ведомству в качестве чиновника особых поручений. Научные успехи его как географа и зоолога во многом были связаны с военными завоеваниями России в Средней Азии и были возможны, выражаясь словами зоолога В. Ф. Ошанина (1879), «под прикрытием русских штыков».

Фердинанд Столичка, геолог, палеонтолог и зоолог, автор около 150 работ, с 1863 г. работал в штате Геологической службы (Geological Survey) Британской Индии. Этнический чех и подданный Австро-Венгрии, он после недолгой работы в Австрийской геологической службе (Вена) переехал в Калькутту, где стал изучать меловых ископаемых Южной Индии. В 1864 и 1865 гг. он совершил свои первые путешествия в Западные Гималаи. Затем

был куратором Индийского музея, посещал Бирму, Малайский полуостров, Андаманские и Никобарские острова (1869, 1873), Кач и Дарджилинг (1871–1872). В 1873 г. Столичка примкнул ко Второй Яркендской миссии Дугласа Форсайта, которая, будучи дипломатической, с военным эскортом прошла через Кашмир в Кашгарию (Западный Китай). В горах натуралист заболел и на обратном пути через горный хребет Каракорум умер в возрасте 36 лет. Был похоронен в городе Лех (Ладак) с военными почестями.

В 1898 г. трехмесячное путешествие из Британской Индии в Фергану совершил офицер Генерального штаба Василий Фёдорович Новицкий (1869–1929). Выйдя из Равалпинди (ныне Пакистан), он через Кашмирскую долину и Ладак попал в Каракорум, оттуда в Кашгарию и через Тянь-Шань и Алай вышел к городу Ош в Ферганской долине. В. Ф. Новицкий коллектировал растения, насекомых (жуков), отмечал птиц, вел метеонаблюдения, поправлял карту пройденной местности, собирал минералы.

В 2011 и 2013 гг. авторы посетили некоторые места путешествий Н. А. Северцова, Ф. Столички и В. Ф. Новицкого и продемонстрируют их в докладе.

Р. М. Валеев,
Институт татарской энциклопедии
Академии наук Татарстана
В. Н. Тугужекова,
Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории

НАУЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ Н. Ф. КАТАНОВА В СИБИРЬ, ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН И ЕГО ВКЛАД В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Жизнь и деятельность Н. Ф. Катанова с периода учебы в Санкт-Петербургском университете (1884–1888), научной экспедиции в Южную Сибирь и Восточный Туркестан (1889–1892) и исследовательской и преподавательской работы в Казани (1894–1922) будут связаны с комплексным исследованием языков, традиционных и новых форм экономической и социальной жизни, быта, фольклора и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Синьцзяня, Поволжья и Приуралья.

Эти основные этапы научно-исследовательской деятельности Катанова отражают традиционные направления и некоторые особенности его вклада в лингвистическое и историко-этнографическое изучение Евразии в последней четверти XIX – начале XX в. С первых полевых экспедиций (1889 г.) началось накопление им разнообразных лингвистических и историко-этнографических материалов и формирование научно-методических принципов исследования тюркоязычных народов евразийского пространства. Годы учебы в университете и научной экспедиции в Южную Сибирь и Восточный Туркестан стали исключительно значимыми в научной биографии и наследии Н. Ф. Катанова и в истории отечественных комплексных исследований регионов Центральной Азии.

Эта экспедиция по значимости общегеографических, лингвистических и историко-этнографических материалов стоит в ряду известных путешествий в Среднюю Азию, Монголию, Сибирь и Восточный Туркестан, осуществленных во второй половине XIX – начале XX в.

В докладе будет обращено внимание на многие неизвестные историко-научные события подготовки и осуществления его экспедиции в Южную Сибирь (Хакасия и Тува) и Восточный Туркестан и дана оценка исследовательскому наследию Н. Ф. Катанова в изучении языка, этнографии, фольклора тюркских народов в конце XIX – начале XX в.

Håkan Wahlquist,
Museum of Ethnography, Stockholm,
Sven Hedin Foundation
Royal Swedish Academy of Sciences

GAINING ACCESS TO THE FIELD IN CENTRAL ASIA: SVEN HEDIN, RUSSIA AND GREAT BRITAIN AT THE TURN OF THE LAST CENTURY

One may well wonder how Sven Hedin, as a Swede from a small country, which exercised no influence in the area, managed to get access to the areas he researched in Chinese Central Asia. The answer will be at least partly found in a skillful, however sometimes naпve, building and maintaining of official and personal networks of an amazingly wide-ranging character. His access was to depend on Russian assistance and good will not only for his first two expeditions, 1893–1897 and 1899–1902, but also for his less well known reconnaissance journey in 1890–1891. His third expedition 1906–1908, to Tibet, in turn, was dependent on Hedin's handling of his British contacts in London, Calcutta and Shimla

Exploiting his Russian and British contacts also meant that Sven Hedin had to manage his position in the "Great game", of which he was a late observer and minor participant – on which he sometimes also was a highly engaged commentator. We all know that Sven Hedin was deeply and in hindsight unfortunately involved in the politics of both the World wars, a political interest that had its roots during early formative years in Central Asia, fed by conservative Swedish geopolitical interpretations of the country's immediate surroundings. Sven Hedin believed he could keep his political commitment apart from his scientific endeavors, not realizing how deeply interconnected they were. Despite a watchful, later on alarmed interpretation of Russian politics, and a very critical, publicly voiced analysis of the Younghusband "mission" to Lhasa, he managed to get both Russian and British backing for his early expeditions. What did Hedin know about this political drama surrounding Tibet towards the very end of the "Great game" and how did he handle it? We will follow his Russian contacts in St. Petersburg and Central Asia, and his British contacts in India, as found in published and archival sources located in Sweden.

О. А. Валькова,
ИИЕТ РАН

СУДЬБА ТУРКЕСТАНСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ О. А. И А. П. ФЕДЧЕНКО

Туркестанская экспедиция выдающегося отечественного ученого А. П. Федченко, организованная Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии по заданию Туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана в 1868–1872 гг., является одним из наиболее выдающихся событий в истории отечественного естествознания своего времени. Особая ее ценность заключается в изумительных энтомологических и ботанических коллекциях, собранных, обработанных и опубликованных участниками экспедиции. Неудивительно поэтому, что история этого путешествия, или, точнее, серии путешествий, привлекала пристальное внимание как современников, так и историков. В настоящее время опубликованы и доступны подробные маршруты экспедиции, отчеты А. П. Федченко, 23 выпуска обработанных и изданных под редакцией О. А. Федченко материалов экспедиции, а также историко-научные исследования, посвященные истории изучения Туркестанского края, научных учреждений (в частности, Русского географического общества) и научной биографии А. П. Федченко [1–6].

Нельзя не заметить, однако, что большинство этих изданий не учитывают (или почти не учитывают) тот факт, что А. П. Федченко не был единственным участником экспедиции и что не он ответствен за публикацию ее материалов. Конечно, А. П. Федченко был назначен главой экспедиции, юридически состоявшей из него одного. Однако и организаторы экспедиции, и все заинтересованные в ней, знали с самого начала, что ученых-исследователей будет двое. Второй участник – Ольга Александровна Федченко, супруга А. П. Федченко, впоследствии крупный ботаник, одна из очень немногих российских женщин, избранная членом-корреспондентом Императорской Академии наук.

Ольга Александровна была не первой женщиной, сопровождавшей мужа в его научных путешествиях. Но она была первой, кому доверили полную ответственность за целое направление экс-

педиционных исследований. В ее непосредственные обязанности входил сбор ботанических коллекций; за отсутствием фотографа на нее же легли обязанности экспедиционного художника; она занималась географической съемкой местности, особенно во время путешествия по Коканскому ханству; помогала со сбором энтомологических коллекций; вела деловую переписку и пр.

Экспедиция была признана чрезвычайно успешной и властями, и научным сообществом. Собранные и привезенные учеными образцы исчислялись тысячами. Супруги Федченко начали подготовку к публикации материалов, когда в 1873 г. А. П. Федченко трагически погиб. О. А. Федченко взяла всю оставшуюся неоконченной работу на себя. Обработка и издание материалов Туркестанской экспедиции в целом заняли тридцать лет. За эти годы было опубликовано 23 выпуска «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко». Длительная и нелегкая работа, потребовавшая колоссального напряжения сил, огромных затрат времени, не была проделана впустую. ОЛЕАЭ могло гордиться тем, что выпустило в свет монументальное описание фауны и флоры Туркестанского края. О. А. Федченко также добилась поставленной цели – она сохранила от гибели результаты трудов мужа и как итог – его имя от забвения. Истории этой издательской эпопеи и посвящен наш доклад.

Литература

[1] *Азатьян А. А.* А. П. Федченко – географ и путешественник. М., 1956.

[2] *Азатьян А. А.* А. П. Федченко // Азатьян А. А. Выдающиеся исследователи природы Средней Азии (вторая половина XIX в.) Ташкент, 1960. Ч. 1. С. 69–141.

[3] *Азатьян А. А.* А. П. Федченко // Азатьян А. А. Классический период в географическом познании Средней Азии (вторая половина XIX в): Опыт историко-географической монографии. Ташкент, 1964. Ч. 1. С. 96–126.

[4] История открытия и исследования Советской Азии. М., 1969.

[5] *Леонов Н. И.* А. П. Федченко. М., 1972.

[6] *Маслова О. В.* Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ташкент, 1956. Ч. II. 1856–1869. С. 70–89.

И. Р. Гарри,
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН

МОНГОЛО-КАМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ П. К. КОЗЛОВА И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОЧНОГО ТИБЕТА

В 1899–1901 гг. П. К. Козлов совершил свое знаменитое путешествие по Монголии и Каму, непревзойденное по охвату и глубине исследовательской деятельности. Одним из наиболее драматических эпизодов этого путешествия стала поездка группы членов экспедиции под руководством нашего земляка Цокто Бадмажапова в Хор-гамдзэ, в которой члены отряда П. К. Козлова едва не погибли.

В эти же места, а именно Тибетский автономный округ Ганьцзы, провинции Сычуань, осенью 2008 г. отправилась небольшая экспедиция (4 человека) сотрудников ИМБТ СО РАН. Летом 2012 г. автор данного сообщения побывал в Кхаме уже один. В ходе двух командировок были совершены поездки во многие места округа, в том числе наиболее отдаленные, такие как уезды Карцзе (Хор-гамдзэ по П. К. Козлову), Дэргэ и Палъюл, собрана литература по Восточному Тибету, а также многочисленные материалы по современному положению округа. В сообщении будут изложены результаты двух командировок в Кхам, освещено современное положение округа, особое внимание будет уделено современному положению буддизма в Восточном Тибете.

Т. Ю. Гнатюк,
Музей-квартира П. К. Козлова,
СПб Ф ИИЕТ РАН

ПРИРОДООХРАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П. К. КОЗЛОВА: АСКАНИЯ-НОВА

Одной из сторон многогранной плодотворной деятельности П. К. Козлова (1863–1935) была охрана природы. Отчет о его первой самостоятельной Монголо-Камской (Тибетской) экспедиции (1899–1901) содержит ряд фаунистических наблюдений экологического характера. Так, П. К. Козлов положительно отзывался о промышленном разведении русским населением на Алтае маралов – животных, которые прежде варварски истреблялись ради добычи рогов (пантов), и призывал специалистов помочь в более правильной постановке «этой важной отрасли естественного богатства страны». В то же время путешественник высказывал возмущение по поводу бесконтрольного истребления монголами сурков в районе Кобдо для заготовки мяса и выделки шкурок на продажу. Во время последней Монголо-Тибетской экспедиции (1923–1926) П.К. Козлов обратил внимание на интересную народную форму природоохранной деятельности, которую описал в своей публикации «Монгольский заповедник Богдо-ула» (1924).

28 февраля 1913 г. путешественник был избран членом Постоянной природоохранительной комиссии при Русском географическом обществе. Активным ее членом являлся и барон Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн (1863–1920) – создатель и владелец уникального искусственного оазиса в приазовских степях, зоопарка-заповедника Аскания-Нова в Таврической губернии. П. К. Козлов и Ф. Э. Фальц-Фейн были знакомы с 1886 г., их связывала многолетняя дружба. П. К. Козлов дважды (1913, 1915) посещал заповедник Аскания-Нова и был хорошо знаком с его структурой, организацией и обитателями. Поэтому когда в начале 1917 г. его владелец был вынужден покинуть Асканию и возникла реальная угроза ее разорения и уничтожения, по инициативе Академии наук и РГО П. К. Козлов был назначен комиссаром в этот заповедник.

П. К. Козлов и его супруга Е. В. Козлова (1892–1975) прибыли в заповедник Аскания-Нова 10 декабря 1917 г. и оставались там до апреля 1919 г. П. К. Козлов запасся множеством документов, подтверждающих его полномочия: кроме удостоверения Российской академии наук и РГО сохранились мандаты на защиту заповедника от Киевского областного природоохранительного комитета, Таврического губернского комиссариата, Таврического губернского земельного комитета, Исполкома Харьковского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов, Военного комиссариата Чаплынского военно-революционного штаба. Весной 1918 г. его полномочия по охране заповедника по просьбе заведующего ВСНХ РСФСР Н. П. Горбунова (1892–1938) были подтверждены В. И. Лениным.

Защита и сохранение культурного достояния Ф. Э. Фальц-Фейна легли на плечи российского путешественника в самое тяжелое время. Аскания-Нова, расположенная в 35 км от Перекопа, оказалась в самом эпицентре кровопролитных боев Гражданской войны. Через нее проходили военные соединения и многочисленные банды, грабя и уничтожая музейные и архивные коллекции, лабораторное оборудование, зеленые насаждения, убивая и калеча животных.

П. К. Козлов обращался в различные инстанции за предоставлением для защиты зоопарка и заповедной степи вооруженной охраны, занимался вопросами финансового и фуражного обеспечения, проводил воспитательную работу с населением, пресекая случаи браконьерства на землях заповедника. Путешественник предлагал конкретные меры по устройству национального заповедника (вопрос о его национализации он поднимал в прессе еще в 1914 г.), рассматриваемого им прежде всего как научное учреждение, которое должно быть подчинено исключительно наркому просвещения. В публикациях конца 1920-х гг. П. К. Козлов высказывал мысль о подчинении заповедника Украинской академии наук. Усилия русского путешественника по сохранению культурного наследия Фальц-Фейна принесли свои плоды – 1 апреля 1919 г. правительством Советской Украины был подписан декрет о сбережении заповедника Аскания-Нова.

В 1921 и 1927 гг. Петр Кузьмич был командирован Государственным комитетом по охране памятников природы при Нарком-

просе РСФСР в составе комиссий по обследованию заповедника и улучшению его охраны и научной работы. По итогам этих посещений он опубликовал ряд работ в журналах «Наука и ее работники», «Научный работник», «Вестник знания». Вообще в 1920-х гг. П. К. Козлов активно сотрудничал с Государственным комитетом по охране памятников природы, разрабатывая совместно с А. П. и В. П. Семёновыми-Тян-Шанскими, С. А. Бутурлиным и Н. М. Кулагиным проект сети будущих заповедников РСФСР.

В 1928 г. П. К. Козлов был избран академиком АН УССР. В последние годы своей жизни, он неоднократно выступал с докладами и лекциями о заповеднике Аскания-Нова на заседаниях Украинской академии наук и в ГРГО.

А. П. Горбунов,
Институт мерзлотоведения
им. П. И. Мельникова СО РАН;
И. А. Горбунова,
МГУ им. М. В. Ломоносова,
географический факультет

ШТРИХИ К ПОСЛЕДНЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ П. К. КОЗЛОВА (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Е. П. ГОРБУНОВОЙ)

Елена Петровна Горбунова, наша матушка и бабушка, участвовала в качестве врача в экспедиции П. К. Козлова, т. к. окончила в 1919 г. четыре курса мединститута в Санкт-Петербурге. Е. П. Горбунова находилась в составе экспедиции с 1923 по 1925 г. а затем некоторое время работала в Ученом комитете – прообразе Академии наук Монголии. С сентября 1926 по апрель 1927 г. она и ее муж, Петр Васильевич Всесвятский, тесно общались с семьей Н. К. Рериха. Мое имя Алдар и отчество старшей дочери Ирины – результат этого общения: Н. Рерих, увидев изменение фигуры мамы, предрек рождение сына и посоветовал назвать его монгольским именем Алдар, что означает «слава». Он добавил, что имя принесет ребенку удачу. Кажется, предсказание знаменитого художника сбылось.

По прибытии в Монголию Н. К. Рерих, его жена Елена Ивановна и старший сын Юрий жили некоторое время в доме наших родителей. Именно здесь и состоялось знакомство Е. В. Пушкаревой-Козловой с Рерихами, о чем она поведала Петру Кузьмичу. Затем семья Рериха перебралась в соседний дом, который им подыскала Е. П. Горбунова.

Елена Петровна попала в экспедицию Козлова, как это представляется, благодаря многолетнему знакомству Пушкаревых с семьей П. М. Горбунова. Отец Елизаветы Владимировны – будущей жены Козлова, Владимир Иосифович, был земским врачом в Красном Селе. Он лечил многодетное семейство П. М. Горбунова – директора местной бумажной фабрики, одной из лучших в России. Брат Е. П. Горбуновой, Николай Петрович Горбунов, в детстве и в юношеские годы дружил с Елизаветой. Она его на-

зывала Коленька. Поэтому в 1912 г. он был приглашен в качестве свидетеля на бракосочетание П. К. Козлова с Е. В. Пушкаревой в церкви Александро-Невской лавры.

Николай Петрович, будучи управляющим делами СНК СССР (в 1923–1930 гг.) и председателем Монгольской комиссии (в 1925–1927 гг.), помогал преодолевать трудности, возникавшие в работе экспедиции П. К. Козлова.

Е. П. Горбунова часто делилась своими воспоминаниями о Монголии с сыном и своей старшей внучкой. Она очень тепло отзывалась о А. Д. Симукове, восхищалась многогранными талантами С. А. Кондратьева и работоспособностью Н. В. Павлова. С последним она продолжала общаться позже и в Алма-Ате. В начале 1924 г. Елена Петровна по просьбе П. К. Козлова хлопотала в Москве, добиваясь правительственного разрешения на продолжения работ экспедиции в Монголии.

П. Д. Гунин, С. Н. Бажа, Е. В. Данжалова,
Н. И. Дорофеюк, Ю. И. Дробышев,
А. В. Прищепа, С.-Х. Д. Сыртыпова,
ИПЭЭ им. А. Н. Северцова РАН;
Ч. Дугаржав,
Институт ботаники АН Монголии

РОЛЬ СОВМЕСТНОЙ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ РАН И АКАДЕМИИ НАУК МОНГОЛИИ В РЕШЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Совместная Российско-Монгольская комплексная биологическая экспедиция РАН и Академии наук Монголии являлась и до настоящего времени является самой большой из известных сухопутных (наземных) биологических экспедиций. Ежегодно в ней участвует до 200 человек с каждой из сторон. Начиная с первых лет деятельности в экспедиции соблюдается принцип совмещения маршрутных и стационарных исследований. Результаты работ активно публикуются, в частности в серии «Биологические ресурсы и природные условия Монголии» вышло 59 томов.

За более чем 40-летний период работы экспедиции можно выделить три этапа исследований: этап инвентаризации флоры и фауны, этап изучения структурно-функциональной организации основных типов почвенно-растительного покрова и, наконец, третий этап – синтеза знаний о природе Монголии и переход на экосистемный уровень изучения антропогенного воздействия на состояние биологических ресурсов и конкретно человека.

Сейчас можно констатировать, что работа по инвентаризации флористическо-фаунистического состава в основном завершена. Результаты этих исследований позволяют с определенной достоверностью говорить о гетерогенности флоры и фауны с достаточно высоким разнообразием. По мнению ведущих ученых, на территории Монголии размещаются 2 центра биологического разнообразия – Убсунурский и Хэнтэйско-Даурский, которые частично заходят на территорию России.

Достоверно известно, что уровень эндемизма видов растений и животных также значителен. Среди сосудистых растений он

достигает 8 %, животных – колеблется в разных группах от 15 до 85 %. Только на территории Монголии расположены большие части ареала таких видов животных, как антилопа-дзерен, дикий верблюд-хавтагай, гобийский медведь-мазалай и др.

Учитывая важность организации сети особо охраняемых природных территорий, именно учеными экспедиции были представлены данные о размещении тех или иных уникальных, редких и исчезающих видов животных, растений и экосистем и разработан первый план развития ОПТ, который в настоящее время дополняется и реализуется. В настоящее время под ОПТ в Монголии занято около 15 % территории.

Учеными экспедиции разработана Методология комплексной оценки и картографирования состояния экосистем. Силами исключительно монгольских и российских ученых за достаточно короткий срок (1989–1990 гг.) на всю территорию Монголии составлена карта «Ecosystems of Mongolia» в масштабе 1 : 1 000 000, которая является необходимой базой для проведения регулярного экологического мониторинга. В настоящий период ведутся работы по повторному экологическому картографированию Монголии, что позволит наглядно представить произошедшие изменения.

Сейчас, когда Монголия развивается как страна с рыночной экономикой и когда она в силу глобализации мира постепенно все более и более втягивается в систему международного разделения труда, знание экологических процессов, происходящих в биосфере Монголии в связи с усиливающимся антропогенным воздействием, становится все более необходимым, а значит, и значение работ СРМКБЭ будет только возрастать.

Г. В. Длужневская,
ИИМК РАН

ФОТОГРАФИИ ПО МОНГОЛИИ В ФОТООТДЕЛЕ НАУЧНОГО АРХИВА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Фотодокументы, хранящиеся в фотоотделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН и связанные с территорией Монголии, архитектурой этой страны, обычаями и обыденной жизнью его населения, можно подразделить на несколько групп:

фотографии Русской учено-торговой экспедиции в Китай в 1874–1875 гг.;

фотографии фотографа В. В. Ланина, сделанные им во время путешествия от Охотского моря до Иркутска в 1875–1876 гг.;

фотографии, сделанные в 1925–1926 (экспедиция П. К. Козлова) и 1968 г. (научная командировка А. Д. Грача).

1) Задачи Русской учено-торговой экспедиции в Китай в 1874–1875 гг. заключались в изучении дороги из Зайсана в провинцию Сычуань и возможности ее применения в торговом отношении; в поиске мест для учреждения консульств, агенств и факторий; в получении сведений о дунганском восстании и выяснении политических судеб охваченных им провинций. В состав экспедиции помимо ее начальника – полковника Генштаба Ю. А. Сосновского, вошли офицер-топограф З. Л. Матусовский, доктор медицины П. Я. Пясецкий, осуществлявшие научную сторону экспедиции, переводчики И. С. Андреевский и китаец Сюя. К участию в путешествии был приглашен фотограф А. Н. Э. Боярский.

Благодаря доктору П. Я. Пясецкому, который взял на себя труд вести дневник экспедиции, до нас дошли не только сведения о дороге, наличии воды и корма для животных, но и впечатления автора о путешествии, встречах, благоустройстве городов, о китайской армии, обычаях народов, населявших районы следования, сохранились имена людей, с которыми встречались участники экспедиции, и многое другое. Например, можно установить точные даты съемок фотографа А. Н. Э. Боярского. Следует упомянуть,

что это вообще было одно из первых путешествий с участием фотографа. А. Н. Э. Боярский сделал около двухсот снимков, а П. Я. Пясецкий – свыше 400 рисунков.

2) Владивостокский фотограф второй половины XIX в. В. В. Ланин отправился в 1875 г. с Дальнего Востока в Иркутск с целью фотографирования ландшафтов и представителей местного населения. Несмотря на то, что учено-торговая экспедиция в Китай и путешествие В. В. Ланина имели место в одно и то же время, они не встретились. Фотографии В. В. Ланина дополняют фотоматериалы экспедиции.

3) В 1923–1925 гг. в Монголии работала Монголо-Тибетская экспедиция РГО под руководством П. К. Козлова, а в 1968 г. состоялась научная командировка археолога А. Д. Грача. Монгольской экспедицией было сделано около 500, а А. Д. Грачом – 86 фотографий.

В Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова принимали участие скифолог Г. И. Боровка и археолог-сибиревед С. А. Теплоухов. В 1924 г. они изучили один из курганов хуннской знати в горах Ноин-Ула, а в 1925 г. Г. И. Боровка провел многочисленные археологические разведки в Северной Монголии, особенно по р. Толе, где исследовал курганы VII–V вв. до н. э. и VIII–X вв. н. э. И в 1924, и в 1925 г. были сделаны фотографии представителей местного населения, их быта, который, вероятно, почти не изменился за те полвека, что прошли со времен первых русских путешествий.

Спустя сорок лет, в 1968 г., состоялась научная командировка в Монголию ленинградского археолога А. Д. Грача. Сделанные им снимки не только интересны в плане сравнения с фотографиями 1920-х гг., поскольку были зафиксированы одни и те же объекты, но и дают возможность увидеть, что ряд сооружений старой столицы сохранился, так же как и древние обычаи и верования монгольского народа.

Ю. И. Дробышев,
ИПЭЭ им. А. Н. Северцова РАН,
ИВ РАН

ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КИТАЯ
(по материалам русских путешественников рубежа XIX–XX вв.)

Благодаря исследованиям русских путешественников конца XIX – начала XX в. мы можем составить достаточно объективное представление о природе и населении Восточного Туркестана – исторической области, лежащей на северо-западе Китая и входящей ныне в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. Эта территория представляет значительный интерес с точки зрения этнической экологии, так как здесь в условиях крайне аридного климата в течение длительного времени сосуществуют различные этносы и представлены такие хозяйственно-культурные типы, как кочевое скотоводство степей, интенсивное растениеводство оазисов и др.

Долгое время указанная территория оставалась малоизвестной в Европе. Приоритет открытия Центральной Азии для широкой общественности того времени принадлежит Н. М. Пржевальскому, совершившему в 1870–1885 гг. четыре экспедиции общей протяженностью более 31,5 тыс. км и собравшему колоссальный естественно-научный и этнографический материал. Затем последовали экспедиции Г. Н. Потанина, братьев Грумм-Гржимайло, М. В. Певцова, В. И. Роборовского, П. К. Козлова, В. А. Обручева и ряда других российских исследователей. Их отчеты включают интересные наблюдения этнографического характера, проливающие свет на особенности адаптации этносов к природной среде.

На территории Северо-Западного Китая пересеклись пути многих народов, обладавших различной картиной мира и по-разному видевших место и роль в ней человека. В силу того что различные народы осуществляли природопользование разными способами и осваивали неодинаковые ландшафты, природные ресурсы использовались более полно. Хозяйственная специализация позволяла избегать переэксплуатации того или иного ресурса. Основными видами жизнеобеспечения населения были интенсивное земле-

делие, экстенсивное скотоводство, охота и рыболовство, а также торговля и ремесла.

Оседлая цивилизация Центральной Азии, подобно передне- и среднеазиатской, шла по пути усовершенствования обработки земли и достигла особенных высот в искусстве ирригации. Затраты труда на создание и поддержание в рабочем состоянии хитроумных систем кяризов, каналов, прудов и акведуков были колоссальны, но они компенсировались богатыми урожаями различных культур. Земледелием занимались главным образом китайцы, но им не уступали представители некоторых монгольских народностей, например торгоуты. Некоторые этнические группы, такие как хамийские чанту, сочетали земледелие со скотоводством.

Бережное отношение к своему клочку земли и доведенное до совершенства умение извлекать из него максимум полезной продукции наряду с безразличием к судьбе дикой природы составляли характерные черты китайцев западных провинций как природопользователей на рубеже XIX–XX вв. Путешественники не раз обращали внимание на хищническую вырубку китайцами лесов в горах и по окраине пустыни Такла-Макан. Все путешественники отдавали дань исключительному трудолюбию китайских крестьян, их любовному отношению к земле, прекрасному знанию агротехники, соблюдению севооборотов и т. д. Однако, оказавшись не в привычном обжитом агроландшафте, а на лоне дикой природы, китайцы демонстрировали хищнический подход к естественным богатствам. По-видимому, причина такого подхода заключалась в том, что для многих из них это была чужая земля. После жестокого подавления дунганского восстания (1864–1878 гг.) китайские власти поощряли миграцию жителей внутренних провинций в опустошенный Синьцзян. Пришлое население, оторванное от своих корней, буквально разграбляло вновь приобретенные территории. Нравы, царившие среди китайской администрации «Западного края», четко охарактеризованы в совместном отчете В. И. Роборовского и П. К. Козлова: «Китайцы в Кашгарии делают, что хотят: законов у них нет, а совесть и сердце отсутствуют при всех делах с туземцами».

Оазисы могли существовать не только за счет земледелия, но и торговли, и служить «узлами» антропогеоценозов, через которые протекают, перекрещиваясь, сливаясь, разделяясь и преображаясь,

мощные потоки вещества и энергии. Происходивший товарообмен связывал локальные антропогеоценозы, специализирующиеся на каком-либо способе существования, в более крупные общности.

Главенствующей формой природопользования среди монголов оставалось кочевое животноводство. В Восточном Туркестане пригодных под пастбища земель немного. Основные пастбищные угодья располагались севернее – в Джунгарии. Экологической особенностью кочевого животноводства является минимальное переустройство ландшафта.

Сосуществование здесь интенсивного и экстенсивного подходов к эксплуатации природных ресурсов вполне закономерно, учитывая специфику природных условий оазисов, степей и пустынь. В целом, из наблюдений русских путешественников можно заключить, что коренное мусульманское население Северо-Западного Китая оказывало сильное, но локальное влияние на окружающую среду; китайское – не менее сильное и при этом гораздо более широкое; кочевники – обычно умеренное и относительно широкое.

Ю. И. Елихина,
Государственный Эрмитаж

РАЗЛИЧНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАХОДОК ИЗ НОИН-УЛЫ, ХРАНЯЩИХСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ

Одним из самых известных археологических памятников азиатских гуннов (сюнну) являются могильники в горах Ноин-Ула на севере Монголии. Они были открыты последней экспедиций 1923–1926 гг. Петра Кузьмича Козлова (1863–1935). Из восьми курганов было извлечено более 2000 различных предметов. Основная коллекция находок хранится в настоящее время в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.

Предметы, происходящие из Ноин-Улы, очень разнообразны по материалу. К ним относятся шерстяные и шелковые ткани, мех, кожа, камень, золото, серебро, бронза, железо, лак, дерево, керамика, органические материалы. Всего коллекция насчитывает чуть более тысячи девятисот предметов. Большую часть коллекции составляют ткани, более полутора тысяч изделий и их фрагментов. Ткани и изделия из них в целом можно разделить на три группы: шелк, шерсть и войлок.

Исследования находок начались еще с 1930-х гг. Тогда были проведены химический, микрохимический, гистологический анализы, исследования окраски и техники обработки вышивки. Особое внимание было уделено войлочному ковру [1, 2]. В 1980 г. сотрудником ИИМКа С. С. Миняевым были проведены исследования бронзовых изделий [5]. Изучение различных предметов продолжается и до сих пор с использованием новых методов.

Если с китайским шелком все относительно понятно, то шерстяные и войлочные ткани вызывали много вопросов. В связи с этим для их исследования был использован новый метод полиполяризации. Полиполяризационный метод исследования получил свое название из-за большого количества поляризованных объектов и соответствующих им изображений.

Основная идея предлагаемого метода сводится к получению качественно новой информации от исследуемого объекта путем

создания оригинальной оптико-электронной системы, в которой задействован вторичный Ламберт-источник излучения, позволяющий устранить фоновое излучение. Для повышения качества получаемого изображения в систему введен разработанный специально для этой системы аподизационный узел, позволяющий достичь равномерного освещения образца.

Существенным достоинством этого метода для археологии является крайне малый размер необходимых образцов, что не нарушает форму и структуру исследуемого предмета.

В результате исследований и сопоставления эталонов шерсти различных животных (овца, лошадь, верблюд) стало ясно, что для изготовления тканей и войлока использовалась шерсть верблюда, в некоторых случаях для упрочения ткани в шерсть добавлялся конский волос [3, 4].

Были также проведены и исследования на красители, но они только подтвердили прежние результаты.

Интересные результаты принесли и исследования лаковых изделий из Ноин-Улы. Результаты исследования дерева показали, что основными материалами являлись сосна и береза. Был проведен радиоуглеродный анализ, который в целом подтвердил датировку курганов Ноин-Улы I в. н. э.

В настоящее время изучение находок из Ноин-Улы еще продолжаются.

Литература

[1] *Воскресенский А. А.*, *Кононов В. Н.* Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула: Химико-технологический анализ ковра № 14568 // Известия ГАИМК. 1932. Т. 9. Вып. 7–9.

[2] *Кононов В. Н.* Восстановление первоначальных красок ковра из Ноин-Улы. М.–Л., 1937.

[3] *Куликов В. Е.*, *Медникова Е. Ю.*, *Миняев С. С.*, *Елихина Ю. И.* Опыт исследования войлочного ковра из Ноин-Улы // Археологические вести. 2011. № 17. С. 119–121.

[4] *Куликов В. Е.*, *Медникова Е. Ю.*, *Миняев С. С.*, *Елихина Ю. И.* Опыт исследования тканей из могильника Ноин-Улы методом поляризации // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 603–635.

[5] *Миняев С. С.* Бронзовые изделия Ноин-Улы (по результатам спектрального анализа) // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 167. С. 39–43.

И. А. Захаренко,
Московский государственный университет
геодезии и картографии

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА РОССИИ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ И КАРТОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В докладе показана деятельность географической научной школы Генерального штаба по изучению Центральной Азии. Особое внимание обращено на геостратегические и геополитические воззрения его офицеров, положенные в основу проведения военно-географических и картографических работ. На основании изучения большого объема архивного материала в крупнейших архивах России дана оценка вклада офицеров Генерального штаба Российской империи в географические исследования и картографирование Центральной Азии.

Научная проблема: воссоздание целостной картины геостратегического и геополитического познания национальных интересов и географо-картографической безопасности России.

В Генеральном штабе русской армии военно-географические исследования имели высокий организационно-методический уровень, опирались на достижения науки и практики и реализовывали не только военно-стратегическую, но и культурно-историческую направленность политики России. Географическая научная школа Генерального штаба приобрела мировую известность. Высок был научный авторитет ее создателей: Д. М. Милютина, Ф. Ф. Берга, Н. П. Глиноецкого, Н. С. Голицина, В. Ю. Скалона, Ф. Ф. Шуберта и П. А. Языкова, а также их учеников и последователей: Н. Х. Агте, В. А. Альфтана, В. К. Арсеньева, Н. А. Байкова, Я. Ф. Барабаша, А. М. Баранова, И. Г. Баранова, М. Ф. Бартоломея, А. А. Баторского, Л. Н. Бельковича, И. Ф. Бларамберга, Л. М. Болховитинова, Ф. М. Вебеля, К. И. Вебера, М. И. Венюкова, К. И. Вогака, А. Л. Гарнака, Е. В. Грегори, Н. И. Гродекова, Б. Л. Громбчевского, М. В. Грулева, Г. Е. Грумм-Гржимайло, К. Н. Десино, И. А. Евтюгина, Н. П. Игнатьева, А. В. Каульбарса, П. К. Козлова, Н. А. Корфа, П. А. Кропоткина, А. Н. Куропаткина, Г. В. Кушелева, М. В. Ладыженского, М. М. Манакина, К. К. Маннергейма, Н. Г. Матюнина, В. И. Надарова, И. П. Надарова

А. Г. Назарова, В. Ф. Новицкого, В. А. Орановского, В. А. Полторацкого, В. Л. Попова, Н. М. Пржевальского, Д. В. Путяты, П. Я. Пясецкого, А. Ф. Рагоза, Г. Д. Романовского, В. К. Самойлова, Ю. А. Сосновского, И. А. Стрельбицкого, Н. М. Тихменева, П. Ф. Унтербергера.

Знаменательна оценка, данная трудам воспитанников Академии Русским географическим обществом: «С чувством глубокого уважения к полувековой высокополезной деятельности Академии Императорское Русское географическое общество вспоминает о том, что географическая наука в России главнейшими успехами своими обязана в значительной степени трудам питомцев Академии. Офицерами Генерального штаба произведены были, в течение этого полувека, главнейшие работы по геодезии и картографии России; ими же исполнено множество почтенных трудов в области статистики и этнографии, а также физико-географических исследований обширного пространства нашего Отечества и стран с ним сопредельных» (Архив РГО. Д. 24. Л. 18).

Последователями стратегической географо-картографической научной школы Н. М. Пржевальского стали известные русские путешественники В. И. Роборовский, П. К. Козлов, М. В. Певцов, М. И. Венюков, Г. Е. Грумм-Гржимайло, А. Е. Снесарев, В. К. Арсеньев и еще многие талантливые военные географы и картографы. Ученики и преемники широко использовали его опыт организации экспедиций и проведения полевых исследований, а также «пржевальский» стиль написания отчетов и научно-популярных книг. В школу «научных рекогносцировок», созданную Н. М. Пржевальским, с полным правом входит замечательный естествоиспытатель, исследователь Центральной Азии П. К. Козлов.

Огромный вклад Генерального штаба русской армии в географическую науку заключается уже в том, что в течение более чем 150 лет собирались, углублялись, систематизировались и накапливались знания о странах мира. Составление геостратегических описаний было поставлено как исследовательская работа, и выполнялась она на основе самых передовых теоретических воззрений и положений географической науки середины XIX – начала XX в. Офицеры Генерального штаба оставили России огромное географическое наследство – геостратегическое описание России и мира.

Д. В. Иванов,
МАЭ (Кунсткамера) РАН

КОЛЛЕКЦИЯ БРАТЬЕВ ШЛАГИНТВЕЙТ В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ (КУНСТКАМЕРА) РАН

В 1868 г. в Музей антропологии и этнографии поступила коллекция № 748 от г-на Шлагентвейна. В архивном журнале поступлений указан г-н Шлагинтвейт. Мы предполагаем, что дарителем был Эмиль Шлагинтвейт, но экспонаты были собраны его старшими братьями Германном, Адольфом и Робертом.

Братья Шлагинтвейт (Германн, Адольф, Эдуард, Роберт, Эмиль) – известные немецкие ученые-географы. В 1854 г. Британская Ост-Индская компания направила Германна, Адольфа и Роберта Шлагинтвейтов в экспедицию по изучению Индии и Центральной Азии. Трое братьев пересекли Деккан, Гималаи, Каракорум и Куньлунь. В 1857 г. Герман и Роберт вернулись из экспедиции, а Адольф продолжил исследования в Синьцзяне, где был схвачен, обвинен в шпионаже и казнен у стен Кашгара.

Обработкой тибетских материалов занимался младший брат Эмиль Шлагинтвейт (1835–1904). На их основе он издал несколько книг: «Die Könige von Tibet» (Schlagintweit, 1860), «Buddhism in Tibet» (Schlagintweit, 1863), «Die Gottesurteile der Inder» (Schlagintweit, 1866).

В 1856 г. Германн Шлагинтвейт наблюдал очень любопытное представление (тиб.: bstan pa'i shis) в монастыре школы друкпакагью Химис в Ладаке. В 1863 г. его брат Эмиль в своей работе «Buddhism in Tibet» привел описание этого действа. Персонажи делятся на три группы: божества-защитники, злые духи и люди. Актеры, изображающие божеств-защитников, надевают маски «огромного» размера. К подбородку масок прикреплялся треугольный кусок шелковой материи, ниспадающий на грудь. «Злые духи» носят маски, размерами больше человеческой головы темных цветов. Актерами в этой группе выступали миряне. «Люди» надевали маски обычного размера и выкрашенные в естественный цвет лица (Schlagintweit, 1863, S. 233). Божества-защитники располагаются в центре, «люди» — справа от них, а «злые духи» —

слева. После медленного танца выходит один «злой дух» и один «человек». «Злой дух» начинает искушать речами «человека», который готов поддаться на уговоры, но другие «люди» отговаривают его слушать дурные советы и обращаются к божествам-защитникам с просьбой наказать «злых духов» (Schlagintweit, 1863, S. 234). Среди божеств-защитников Э. Шлагинтвейт выделяет: Лхамо (в темной маске, украшенной хвостами из волос яка); Брахму (одет в кирасу); божеств в красных трехглазых масках (lha chen)* и божеств в зеленых масках с высокими колпаками (lha chung)**. Божества-защитники стреляют в «злых духов» из мушкетов, бросают в них камни и копья. «Злые духи» бегут, преследуемые божествами. Все представление длится от одного до двух часов (Schlagintweit, 1863, S. 235).

В состав коллекции входят четыре карандашных рисунка с масками. Под № 748 – 8/4 – 1, судя по хвостам, изображена маска Лхамо; 748 – 8/4 – 2 – маска божества, отнесенного Э. Шлагинтвейтом к классу lha chen; 748 – 8/4 – 3 – маска lha chung, с характерным колпаком; 748 – 8/4 – 4 – маска, по всей видимости, «злого духа». У всех масок показаны треугольные куски материи, ниспадающей на грудь.

Мы не знаем, были ли эти рисунки выполнены Германном Шлагинтвейтом в Ладаке или сопровождавшим его художником. В любом случае, эти рисунки середины XIX в. позволяют увидеть довольно необычный тип масок, бытовавших в это время в Ладаке.

* В переводе с тибетского большое или великое божество.

** В переводе с тибетского малое божество.

Veronika Kapišovská,
Институт Южной и Центральной Азии
философского факультета Карлова университета,
г. Прага, Чехия

ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ КНИГИ «МОНГОЛИЯ И АМДО И МЕРТВЫЙ ГОРОД ХАРА-ХОТО» НА ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

В начале XX в. в Европе пользуются большой популярностью книги, описывающие приключения исследователей и путешественников, посетивших самые разные, незнакомые до тех пор места. После Первой мировой войны издательские дома в Чехии выпускают сразу несколько серий описаний путешествий, в рамках которых появляются книги исследователей Центральной Азии и Монголии Свена Гедина, Геннинга Гаслунда Христенсена и даже авантюриста Фердинанда Оссендовского. Перевод работы П. К. Козлова под названием «Мертвый город Хара-Хото (Монголия и Амдо)» опубликован в 1929 г. в издательстве «Покрок» (в переводе на русский «Прогресс») в Праге. Книга П. К. Козлова во многом отличается от других описаний путешествий по Монголии и Центральной Азии. Внимание привлекает и сам переводчик Йосеф Дыма – журналист и бывший легионер, не расставшийся со своей профессией даже во время своего пребывания в России (Средняя Азия, Урал, Дальний Восток).

В докладе дается общее обозрение опубликованных в Европе работ П. К. Козлова, и, в частности, описываются обстоятельства, связанные с изданием «Мертвого города Хара-Хото» на чешском языке. В докладе также дается информация о переводчике и характеристика самого перевода.

А. А. Ковалев,
руководитель экспедиции

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАБОТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В МОНГОЛИИ И КАЗАХСТАНЕ (1998–2012 гг.)

Международная Центральноазиатская археологическая экспедиция, организованная А. А. Ковалевым, является наиболее масштабным современным проектом исследования древних культур Центральной Азии. Работы экспедиции имеют своей основной целью построение культурно-хронологических схем бронзового и раннего железного веков до этого практически неисследованных регионов, включая открытие памятников, относящихся к неизученным на данных территориях периодам. Кроме того, экспедицией проводятся работы по атрибуции и датировке памятников Гобийского региона, связанных с историческими событиями периода ханьско-хунских и монголо-тангутских войн. Основанием для работ экспедиции явились соглашения о сотрудничестве НИИКСИ Санкт-Петербургского государственного университета с Институтом археологии НАН Республики Казахстан, с Институтом истории АН Монголии, с Улан-Баторским университетом, а также соглашения о сотрудничестве Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов с Улан-Баторским университетом и Международной ассоциацией монголоведения. Руководство экспедицией с российской стороны осуществляется А. А. Ковалевым, с казахстанской – З. С. Самашевым, с монгольской стороны – Д. Эрдэнэбаатором.

Планомерные археологические раскопки экспедиции проводятся ежегодно в срок от полутора до трех месяцев, охватив на сегодняшний день территории Курчумского района Восточно-Казахстанской области (1998–2000), Ховд (2001–2005, 2010), Баян-Ульги (2004), Завхан (2007), Хубсугул (2006), Баянхонгор (2005, 2011, 2012), Увэрхангай (2007), Южногобийский (2005, 2007, 2009) аймаки Монголии. Параллельно со стационарной работой на месте раскопок ежегодно проводятся масштабные разведки по поиску памятников ранее неизученных периодов. В общей сложности в 1998–2012 гг. было полностью исследовано более 100 погребальных и погребально-ритуальных сооружений, ритуальный

комплекс оленных камней и жертвенников, проведены раскопки культурного слоя и фортификаций ханьской крепости Баян булаг (Шоусянчэн), проведены раскопки и глазомерная съемка оборонительных сооружений тангутско-монгольского пограничья. Практически по каждому исследованному памятнику получены радиоуглеродные даты, антропологические и палеозоологические определения, проводится анализ человеческой ДНК.

К основным результатам работ экспедиции можно отнести следующие:

– на территории Монголии (Баян-Ульги, Уланхус сомон) впервые исследован неграбленый курган афанасьевской культуры;

– на территории Курчумского района впервые исследованы 12 курганов-оград XXV–XXVIII вв. до н. э., относящихся к ранее неизвестному в Казахстане «чемурчекскому феномену»;

– на территории Монголии впервые открыты и исследованы памятники, относящиеся к «чемурчекскому феномену» XXVI–XVIII вв. до н. э.; раскопаны 4 кургана в Баян-Ульги, 11 курганов-склепов в Булган сомоне Ховд аймака, в том числе исследованы две гробницы с росписями охрой и две сопровождавшие курганы каменные статуи;

– открыта новая «мунх-хайрханская» культура XVII–XV вв. до н. э.; раскопаны 13 курганов в Ховд, Завхан и Хубсугул аймаках Монголии, являвшиеся в ряде случаев частью исследованных нами ритуальных комплексов оригинальной архитектуры и планировки;

– на территории Баянхонгорского аймака открыта новая «баянлигская» культура 17–15(?) вв. до н. э., раскопано 4 относящихся к ней кургана;

– на юге Ховд аймака открыта новая «байтагская» культура 12–10 вв. до н. э., раскопано 10 относящихся к ней погребальных памятников;

– в результате раскопок в Увэрхангайском, Баянхонгорском, Южногобийском аймаках была выделена культура Тэвш (XIII–XI вв. до н. э.), к которой относятся т. н. «фигурные могилы» с захоронениями ничком;

– в результате раскопок (22 памятника) и разведок в центральной части Монгольского Алтая, сопровождавшихся GPS-позиционированием и 14C датированием, была составлена периодизация типов безынвентарных погребальных сооружений периода поздней бронзы – раннего железа (XIV–IV вв. до н. э.);

– впервые были проведены полные научные раскопки двух типов комплексов с оленными камнями: херексура Хар говь (Ховд аймак) и ритуального места Суртийн дэнж (Хубсугул аймак); на основании этих раскопок и данных разведок выявлены две традиции использования оленных камней, распределенные по территории;

– в результате раскопок памятник Баян булаг (Номгон сомон Южногобийского аймака) был интерпретирован как ханьская крепость Шоусянчэн, построенная по приказу императора У-ди в 105 г. до н. э.; впервые было раскопано коллективное захоронение частей трупов убитых ханьских солдат;

– по археологическим находкам и историческим описаниям на местности прослежен путь героического отхода отряда ханьского военачальника Ли Лина (99 г. до н. э.): от реки Лэгийн гол (Баянлиг сомон) до гор Тостын нуруу (Гурвантэс сомон);

– впервые исследовано нерабленое погребение представителя элиты хунну (Ховд аймак); найденные здесь китайские предметы позволяют датировать его 50–30 гг. до н. э.;

– в результате раскопок, разведок и радиокарбонного анализа была впервые описана, датирована и атрибутирована т. н. «Стена Чингисхана», которая оказалась укрепленной пограничной линией государства Си Ся, построенной для защиты от монгольского вторжения в начале XIII в.; линия включает дерево-земляной (частично каменный) вал длиной более 80 км, сторожевые вышки и сигнальные башни на горах с севера от стены и укрепленные базы – военные лагеря с южной стороны; линии сигнальных вышек соединяют эту линию с центральными районами тангутского государства;

– впервые осмотрены, атрибутированы и датированы горные крепости-убежища в Южной Гоби, построенные в пограничье Си Ся местными скотоводами в XII – начале XIII в.

В нынешнем году экспедиция проводит первый сезон полномасштабных раскопок ключевого памятника рубежа эпохи бронзы – раннего железа – разновременного комплекса оленных камней, ритуальных площадок и херексуров Ушкийн увэр в Хубсугульском аймаке с целью выявления относительной и абсолютной хронологии сооружений и реконструкции процесса трансформации ритуала в период появления традиций скифо-сибирского звериного стиля.

А. А. Колесников,
д. и. н., профессор

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МИССИЙ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

Русские военные исследователи выполняли в Азии триединую миссию: военно-дипломатическую, разведывательную и научно-исследовательскую. На их долю приходилось ведение сложнейших дипломатических переговоров с правителями азиатских государств, заключение договоров, совершение разведывательных поездок, сопряженных с постоянным риском для жизни. Военное проникновение России в Азию, охрана и оборона новых границ – все эти вопросы решались параллельно с научным изучением края, причем зачастую одними и теми же структурами, органами и личностями. Экспедиции путешественника Н. М. Пржевальского, особенно центральноазиатские, подняли на недосягаемую высоту научный престиж России. Тем не менее военная деятельность генерала Н. М. Пржевальского, его геополитические воззрения еще совсем недостаточно исследованы и преданы широкой огласке. Прошедшего столетия, как оказалось, не хватило, чтобы во всем масштабе постичь уникальную личность этого великого человека и по достоинству оценить все его деяния.

Н. М. Пржевальский помимо своих научных заслуг был известен в военно-политических кругах Российской империи как последовательный приверженец азиатских приоритетов во внешней политике России. Он непосредственно участвовал в выработке концептуальных положений российской геополитики. Его аналитические материалы, выходящие в те времена исключительно под грифом «секретно», касались взаимоотношений с Китаем, Индией и содержали идею упрочения российского присутствия в Азии. Николай Михайлович весьма нелицеприятно, например, отзывался о политике китайских властей и даже не исключал вооруженного противостояния империй. У него были также свои соображения относительно геополитической судьбы Восточного Туркестана до того момента, когда он стал Китайским Туркестаном. Примечательно, что и в советское время эта часть деятельности генера-

ла российского Генштаба продолжала оставаться неизвестной. Огромный массив рукописей путешественника покоился и продолжает покоиться на архивных полках. А между тем выход в свет уникальных работ Н. М. Пржевальского, его аналитических трудов, путевых заметок и черновых набросков мог бы по-новому представить личность выдающегося ученого.

В архиве Русского географического общества сохранились, например, материалы фундаментальных отчетов Н. М. Пржевальского «Опыт статистического описания и военного обозрения приамурского края» (1869 г.), «О современном состоянии Восточного Туркестана» (1877 г.). Сюда же следует отнести 5 глав рукописи секретной записки «Новые соображения о войне с Китаем». Весьма любопытна незаконченная рукопись Н. М. Пржевальского «Наши приоритеты в Центральной Азии». В фондах архива сохранилось огромное количество писем как самого Н. М. Пржевальского, так и адресованных ему. Всего насчитывается 334 адресата. В их числе выдающиеся люди того времени: вице-президент ИРГО П. П. Семенов, начальник Главного штаба Н. Обручев, фельдмаршал Д. Милютин, генералы Г. Колпаковский, Л. Драгомиров, российский консул Н. Петровский и другие. Помимо 18 дневников и 16 записных книжек Н. М. Пржевальского, часть из которых была опубликована еще при жизни автора, большой интерес, несомненно, представляют многочисленные наброски, записки и конспекты путешественника, касающиеся самых различных отраслей знаний. Вероятно, потребуется еще лет сто, чтобы овладеть колоссальным научным наследием Н. М. Пржевальского и прочувствовать его значимость как национального достояния России.

Многие обстоятельства жизни великого путешественника, да и сама смерть, оставляют немало загадок, ответа на которые нет и по сей день. Сильная натура Н. М. Пржевальского притягивала к себе разнородными полюсами как друзей, так и недругов. Смерть его стала полнейшей неожиданностью для всех, кроме, пожалуй, тех, кто ее давно и усердно накликивал на путешественника. По бытующей длительное время версии, Н. М. Пржевальский заразился брюшным тифом. Тем не менее мы выдвигаем иную гипотезу смерти великого путешественника, которую на сегодняшний день нельзя ни подтвердить, ни отрицать, – отравление медленно действующим ядом. В пользу этого предположения говорит сле-

дующее. Главной целью пятой центральноазиатской экспедиции являлось установление контактов между Россией и Тибетом, могущих существенно повлиять на изменение геополитической ситуации в регионе. Противники этого сближения, сознавая, что экспедиция под началом Н. М. Пржевальского наверняка достигла бы поставленных целей, вполне могли бы пойти на физическое устранение ее руководителя. Возглавивший экспедицию после смерти Н. М. Пржевальского генерал М. В. Певцов, как известно, поставленной задачи выполнить не смог и до Тибета не дошел.

М. Б. Конашев,
СПбФ ИИЕТ РАН

ЭКСПЕДИЦИИ ЛАБОРАТОРИИ ГЕНЕТИКИ АН СССР В СРЕДНЮЮ АЗИЮ (1925–1935)*

Лаборатория генетики АН СССР была первоначально организована по инициативе Ю. А. Филипченко как Бюро по евгенике при постоянной Комиссии по изучению естественных производительных сил России Российской академии наук в феврале 1921 г. С 1921 по 1925 г. в состав Бюро входили: заведующий Ю. А. Филипченко и научные сотрудники Я. Я. Лус и Т. К. Лепин. В декабря 1925 г. в состав Бюро вошел также Ф. Г. Добржанский, и в том же году Бюро по евгенике было переименовано в Бюро по генетике и евгенике, а в 1927 г. — в Отдел генетики. В 1927 г., согласно сведениям канцелярии КЕПС, в отделе состояли все те же четыре человека. Из-за командировки Ф. Г. Добржанского в США в лабораторию Т. Г. Моргана его обязанности в Отделе генетики стал исполнять А. И. Зуйтин. В марте 1930 г. А. И. Зуйтин был освобожден по его просьбе от должности научного сотрудника и на его место был зачислен Ю. Я. Керкис. Экспедиционные исследования выполнялись вышеперечисленным составом, а также в них участвовали некоторые студенты кафедры генетики и экспериментальной зоологии ЛГУ – Н. Н. Медведев, Н. Н. Колесник, Б. П. Войтяцкий, В. И. Савельев, Ю. Я. Керкис, М. Л. Бельговский и др.

Исследования по генетике домашних животных были включены в число заданий Бюро по предложению Ю. А. Филипченко на заседании президиума КЕПС 30 ноября 1925 г. В 1926 г. была организована первая экспедиция в Казахстан. Планирование и общее руководство экспедициями осуществлял сам Ю. А. Филипченко, а после его смерти – Я. Я. Лусис. В составе казахстанской экспедиции был организован специальный отряд по обследованию состояния животноводства. Полевыми работами руководил Ф. Г. Добржанский, в качестве ученого специалиста

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 12-06-00119а.

в состав отряда входил Я. Я. Лусис, в качестве практикантов – студенты Н. Н. Медведев и В. И. Савельев. В 1927 г. отрядом снова руководил Ф. Г. Добржанский, а Я. Я. Лусис был научным сотрудником. Практикантами работали студенты Н. Н. Медведев, Б. П. Войтяцкий, Н. Н. Колесник и Ю. Я. Керкис. На время полевых работ к отряду был прикомандирован специалист по животноводству Семипалатинского губернского управления Г. О. Виллиус. Было обследовано пять районов Восточного Казахстана с расчетом охватить возможно большее число разнообразных ландшафтов и родовых группировок казахов — Каркаралинский, Чингизский, Кокпетинский, Тарбагатайский и Алтайский районы Семипалатинской губернии.

В 1928 г. экспедицией в Киргизию руководил Я. Я. Лусис (в связи с командировкой Ф. Г. Добржанского). В состав отряда вошли А. И. Зуйтин, Н. Н. Медведев, а также студенты Б. П. Войтяцкий, Н. Н. Колесник, М. Л. Бельговский. Экспедиция работала все лето, разбившись на два самостоятельных отряда — северный и южный. В экспедиции 1929 г. в Западную Туркмению под руководством Я. Я. Лусиса участвовали Б. П. Войтяцкий и Г. М. Пхакадзе. В 1930 г. экспедиция обследовала Восточную Туркмению. Я. Я. Лусис осуществлял общее руководство, а на месте отряд возглавлял Н. Н. Колесник.

После скоропостижной кончины Ю. А. Филипченко в мае 1930 г. было предпринято еще несколько экспедиций. В 1931 г. Я. Я. Лусис организовал давно задуманную Ю. А. Филипченко экспедицию в Монголию. В состав животноводческого отряда входили Н. Н. Колесник, И. Ф. Шульженко, Б. П. Войтяцкий, Ю.Л. Горошенко, Е. М. Хейсин. Отряд работал двумя партиями — западной и восточной. Летом 1932 г. животноводческим отрядом киргизской комплексной экспедиции в составе ученых-специалистов Н. Н. Колесника (начальник отряда), Б. Ф. Румянцева и научных сотрудников М. Е. Лобашева и Ф. А. Смирнова (аспиранты ЛГУ) под общим руководством Я. Я. Лусиса была продолжена работа по изучению домашних животных Киргизии. В 1935 г. была организована животноводческая экспедиция на Северный Кавказ. Этой экспедицией руководил И. Я. Закис, заместитель директора Института животноводства. Генетический отряд под руководством Я. Я. Лусиса обследовал овец в ряде районов Дагестана.

В основном в экспедициях изучались количественный и породный состав домашних животных. На основе выполненных обследований составлялись планы и рекомендации по улучшению продуктивности и условий содержания скота. Велись также исследования по генетике домашних животных, и, в первую очередь, разрабатывались проблемы отдаленной межвидовой гибридизации. Результаты экспедиций получили отражение в специальных подробных отчетах, снабженных картами, таблицами и рисунками, а также в специальных научных публикациях, в частности в виде объемистых брошюр КЕПС АН СССР. При жизни Ю. А. Филипченко они также обсуждались на организованном им Всесоюзном совещании по генетике животных и животноводству СССР, прошедшем 12 и 13 декабря 1927 г. в Ленинграде.

Н. Н. Кравклис,
Смоленское отделение РГО

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В СУДЬБАХ СМОЛЕНСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Изучение Центральной Азии проводилось под руководством Императорского Русского географического общества (ИРГО), организованного в 1845 г. Одним из самых ярких представителей ИРГО стал уроженец Смоленской губернии Николай Михайлович Пржевальский – великий путешественник, ученый, генерал-майор, первооткрыватель центральноазиатских земель, совершивший с 1870 по 1885 г. четыре путешествия в Центральную Азию. Его экспедиции прославили Россию, его открытия восхитили мир. Он создал первую русскую географическую школу.

Учеником и последователем Н. М. Пржевальского был Петр Кузьмич Козлов, который также родился в Смоленской губернии, выдающийся путешественник, участник шести экспедиций в Центральную Азию, тремя из них он руководил. П. К. Козлов прошел 40 тысяч километров по горам, степям, пустыням Монголии, Тибета, Западного и Северного Китая.

Научные результаты исследований П. К. Козлова велики и разнообразны. Но одними из самых замечательных стали сенсационные археологические находки в мертвом городе Хара-Хото, на севере пустыни Гоби и в погребениях гуннской знати в горах Ноин-Ула, в 100 км от Улан-Батора. Эти открытия внесли весомый вклад в археологию и древнюю историю. Кроме того, П. К. Козлов впервые провел лимнологические и гидрологические исследования в условиях Центральной Азии, организовал метеорологические станции, занимался зоологией. Научные исследования, проведенные его экспедициями, обогатили географическую науку.

Учеником П. К. Козлова был Сергей Сильвестрович Четыркин, также смолянин. Он был помощником руководителя в Монголо-Сычуанской экспедиции. П. К. Козлов видел в нем надежного, способного спутника, увлеченного, целеустремленного, активного путешественника и доверил ему руководство несколькими маршрутами. В частности, он вел отряд из Урги через пустыню Гоби,

руководил исследованием острова Куйсу на Кукуноре (вместе с А. А. Черновым), который был впервые обследован русскими путешественниками, и т. д. С. С. Четыркин награжден Малой серебряной медалью РГО.

В 1910 г. С. С. Четыркин участвовал в экспедиции на Новую Землю. Губернатор Архангельска В. О. Сосновский писал о нем: «Четыркин оказал весьма ценные услуги делу исследования Северного острова Новой Земли производством съемочных работ в Архангельской губе и превосходным составлением научных коллекций образцов животного и растительного царства». По результатам этой экспедиции С. С. Четыркин награжден орденом Св. Станислава III степени.

В 1913 г. С. С. Четыркин окончил Московский археологический институт, получив звание приват-доцента, а в 1919 г. эмигрировал. Но и за рубежом он занимался любимым делом – путешествиями: был в экспедиции по исследованию дна Босфора, в 1924 г. участвовал в экспедиции в Британскую Гвиану, руководимой известным американским путешественником Вильямом Биби. В 1925 г. Сергей Сильвестрович уходит в знаменитую океанографическую экспедицию на «Арктурусе» по Саргассову, Карибскому морям, Тихому, Атлантическому океанам, на Галапагосские острова.

Имя С. С. Четыркина, еще одного, ставшего теперь известным и на родине замечательного путешественника, пополнило когорту смолян – исследователей дальних, неведомых (или слабоизученных) ранее земель.

Мы, смоляне, гордимся нашими бесстрашными мужественными земляками, прославившими Россию и Землю Смоленскую, и воздаем им должное. Так, в частности, подготовлен проект скульптурной композиции – Н. М. Пржевальский, П. К. Козлов, С. С. Четыркин. Организуется художественная экспозиция по материалам их путешествий.

О. А. Красникова,
Библиотека РАН

НОВОЕ О КАРТЕ КИТАЯ, ПРИСЛАННОЙ ПЕТРУ I ИМПЕРАТОРОМ КАН-СИ (KANGXI)

Как удалось установить, в основе карты И. К. Кирилова, известной в научной литературе как «карта Камчатки», и карт атласа французского географа д'Анвиля «Atlas general de la Chine, de la Tartarie chinoise et de Tibet» (Paris, [1737]) лежит один и тот же источник – «Большая карта Китайской империи» на 120 листах, в масштабе 1 : 100 000, выполненная на основе работ китайских и французских специалистов, вернее, ее сводная карта предположительно на 37 листах. В Научно-исследовательском отделе рукописей БАН сохранились 37 листов – перевод карты на русский язык, выполненный в середине XVIII в. В СПФ А РАН – роспись на русском языке географических названий листов карты – «Начало маппы хинской...». Сопоставление между собой этих четырех документов – карты И. К. Кирилова, листов китайской карты, атласа д'Анвиля и росписи географических названий — позволило сделать вывод об их тесной взаимосвязи, и в частности, уточнить историю составления карты Камчатки И. К. Кирилова. В то же время в Париже, в картографическом фонде Национальной библиотеки, в собрании д'Анвиля, хранятся 12 рукописных листов сводной «китайской» карты; есть сведения о том, что листы этой же карты имеются в собраниях Санкт-Петербурга. Привлечение к исследованию вновь выявленных в связи с этим картографических документов позволит сделать новые открытия и уточнить уже полученные выводы.

Н. Г. Краснодембская,
Е. С. Соболева,
МАЭ (Кунсткамера) РАН

МАЭ В СУДЬБЕ ВОСТОКОВЕДА М. С. АНДРЕЕВА – ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Михаил Степанович Андреев (1873–1948) был известнейшим специалистом в изучении истории, археологии, языков и фольклора многих народов Центральной Азии (в современном толковании этого понятия). М. С. Андреев сделал серьезную академическую карьеру и считался весьма образованным человеком, хотя добывал и копил знания не совсем простым путем. Родившись в Ташкенте, он уже в ранние годы жизни серьезно интересовался местными языками и культурой, изучал персидский, арабский, узбекский языки в Туркестанской учительской семинарии и в одном из местных медресе. В свои 20 лет М. С. Андреев уже и сам преподавал местные языки в той же семинарии. Вскоре же он стал активным членом Туркестанского кружка любителей археологии и предпринял ряд целеустремленных поездок для изучения неизвестных языков и диалектов и сбора археологических коллекций.

Важной вехой в его научной судьбе стала работа в Индии: с 1905 г. – в качестве секретаря известного русского дипломата А. А. Половцова, а с 1911 г. – в должности и. о. российского консула во французских колониях в Индии и в Индокитае. В Индии М. С. Андреев также изучал некоторые местные языки и начал собирать этнографические коллекции, которые поступили в МАЭ РАН (всего 3 ценнейшие индийские коллекции, каждая из которых заслуживает особого рассказа).

Примечательно, что в 1897 г. М. С. Андреев побывал в Санкт-Петербурге, где встречался с крупными деятелями востоковедения и музейного дела (С. Ф. Ольденбургом, В. В. Радловым и др.). Уже после «индийского периода» он получил предложение поступить преподавателем на восточный факультет университета в Петрограде, но отказался и посвятил свою жизнь любимому Туркестану. Когда М. С. Андреев был временно привлечен к деятельности советской миссии в Кабуле, он продолжал заниматься

сборами этнографических коллекций, часть которых тоже поступила в МАЭ.

Таким образом, от нашего собирателя поступили следующие коллекции: **№ 1789** (поступление 1910 г., 28 предметов) содержит части дворца пешвы из Махараштры (бывшее Бомбейское Президенство), г. Насик; **№ 2055** (поступление 1912 г., 296 пр.) – разнообразные предметы быта, культа и культуры народов Южной Индии; **№ 2418** состоит из образцов ремесленных изделий, характеризующих традиционный быт жителей Южной Индии (поступление 1914 г., 165 пр.); в коллекциях **№ 3083** (поступление 1924 г., 14 пр.) и **№ 3458** (поступление 1927 г., 20 пр.) представлены куклы и другие игрушки таджиков и узбеков.

История сборов М. С. Андреева для МАЭ поучительна, она обнаруживает грамотную методику, подходящую даже для сегодняшнего дня. Вырабатывалась эта методика ***коллективно***: в частности, М. С. Андреев, находясь в Индии, обращался в письмах за советом к В. В. Радлову и консультировался с Ф. И. Щербатским. В этой переписке определялись научные цели коллекционирования, где важен сбор не только шедевров восточной культуры, но и обыденных предметов, несущих ценную этнографическую информацию; вырабатывались формы сопроводительной документации (первичная регистрация предметов, фиксация информации об их бытовании и применении) и другие приемы музеефикации (зарисовки, цена предметов, технология изготовления и пр.).

Пример научной деятельности М. С. Андреева свидетельствует о единстве российской востоковедной этнографической школы в ее истоках: об общности ее трудов – от центра (который тогда был в основном в Петербурге) до периферии. Поэтому имена Н. М. Пржевальского (1839–1888), его ровесника и коллеги по Русскому географическому обществу И. П. Минаева (основателя русской индологической школы, 1840–1890), их старшего коллеги П. П. Семенова-Тян-Шанского (1827–1914), их преемников П. К. Козлова (1863–1935), Н. Н. Миклухо-Маклая (1846–1888) и других стоят для нас в одном ряду.

Maria-Katharina Lang
Institute for Social Anthropology
Austrian Academy of Sciences
Vienna

HANS LEDER AND HIS MONGOLIAN COLLECTIONS

In my paper I would like to present insights into my research project dealing with the Austrian research traveller Hans Leder (1843–1921) and his collections from Mongolia. Thereby several links to Russia appear: first of all Prince Nikolai Mikhailovich, president of the Imperial Russian Geographical Society, sent Leder to southern Siberia in 1891 primarily to continue his entomological work. Both knew each other already earlier from Tiflis. From Siberia Leder travelled to Mongolia for the first time in 1892. Leder returned to Mongolia several times: his visits can be retraced for the years 1899/1900, 1902, and 1904/1905. On his first Mongolian journey he was still mainly collecting insects and *zoologica* – today these are part of the collections in the natural history museums in Vienna and Budapest. Afterwards, his collecting focus drifted gradually from *entomologica* to *ethnographica*. By 1905 he had become a renowned collector of Mongolian ethnographic items, mainly Buddhist ritual artefacts. His extensive collections are kept in major ethnographic museums in central Europe. Within the project these parts were reunited in multiple ways as will be presented, furthermore research in archives made it possible to make Lederr's biography as well as his collecting endeavours and museum histories more transparent.

В. В. Лебедева,
Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет

В. К. АРСЕНЬЕВ И П. К. КОЗЛОВ: К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СТАНОВЛЕНИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ-ЭТНОГРАФА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

«Многоуважаемый Петр Кузьмич... Пишу письмо это по адресу в Петербург в Императорское Русское географическое общество, потому что не знаю, в Петербурге Вы или нет. Путешественник – это перелетная птица. Пернатые летят – то к Полярному кругу, то на юг. Так и всякий путешественник, ведущий странический образ жизни, то летит в страну, которую он облюбовал для своих исследований, то стремится к месту обработки своих ученых материалов – и так всю жизнь!, пока физические силы и здоровье позволяют ему это...» [1].

Это строки из письма, написанного 28 октября 1911 г. и адресованного знаменитому русскому путешественнику, члену Императорского Русского географического общества Петру Кузьмичу Козлову, от тогда еще начинающего исследователя обширной территории Восточной Азии и самых дальних рубежей России – Владимира Клавдиевича Арсеньева. В рамках доклада предполагается рассмотреть одну из наиболее важных сторон профессиональной жизни В. К. Арсеньева – формирование его научных взглядов и становление как ученого, немалую роль в котором сыграло влияние научных трудов предшественников и личного опыта выдающихся ученых – современников исследователя, в частности Петра Кузьмича Козлова.

Родился В. К. Арсеньев в 1872 г. в Петербурге. С детства увлекался чтением приключенческой, а в юношеские годы научной и природоведческой литературы. Очень важно для человека в начале своего профессионального пути встретить талантливых и чутких учителей, опытных наставников, для того чтобы любимое дело стало делом и смыслом всей жизни. Арсеньев видел свой идеал ученого-исследователя в лице многих русских офицеров, начиная с Г. И. Невельского, М. И. Венюкова и заканчивая Н. М. Прже-

вальским и П. К. Козловым. Учителями для него в разное время были: антрополог Э. Ю. Петри, географ М. Е. Грумм-Гржимайло, этнограф Л. Я. Штернберг. В частности, известный исследователь Средней Азии, географ и учитель В. К. Арсеньева по Петербургскому пехотному юнкерскому училищу М. Е. Грумм-Гржимайло обратил внимание на способного юношу и на круг его интересов и стал давать ему для чтения книги по географии Сибири, Алтая, Памира, Туркестана. Больше всего привлекали В. К. Арсеньева книги по Восточной Сибири, и уже тогда у него появилось желание посвятить себя изучению этого далекого края [2, с. 340], Дальнего Востока, исследованию которого он отдал тридцать лет своей жизни.

С 1900 г. В. К. Арсеньев начинает свои первые экскурсии-походы с окрестностей Владивостока, постепенно удлиняя маршруты и расширяя их географию. Сфера его научных интересов и практической деятельности была разносторонней и многогранной и не замыкалась рамками какой-либо одной научной дисциплины. Он был историком, этнографом, антропологом, географом, топографом, а также писателем, одним из создателей краеведческого направления в отечественной научно-художественной литературе. Не являясь специалистом-ботаником и зоологом, В. К. Арсеньев в то же время тонко разбирался в географическом распространении отдельных растений и животных, а также отдельных типов лесов [2, с. 345].

5 января 1911 г. в жизни В. К. Арсеньева происходит важное событие. В этот день на заседании отделения этнографии Русского географического общества он познакомился со многими исследователями, интересующимися жизнью инородцев: В. В. Радловым, Д. А. Клеменцом, Ю. М. Шокальским, П. П. Семеновым-Тян-Шанским, С. Ф. Ольденбургом и П. К. Козловым. Впоследствии Арсеньев не раз обращался к П. К. Козлову за советами, делился своими успехами, проблемами, планами и очень высоко ценил его мнение как опытного путешественника-исследователя.

Осознавая значимость и уникальность научных исследований и самого выдающегося ученого для отечественной науки, обеспокоенный вестью о мобилизации П. К. Козлова на войну, в своем письме от 1 августа 1915 г. Арсеньев писал: «Берегите себя на войне! Ваша жизнь для нас дорога. Полковников много,

а П. К. Козлов один: полковника найдут кем заменить, а Козлова не заменят» [3, с. 28].

Совету П. К. Козлова издавать добытые материалы В. К. Арсеньев следовал всю жизнь и лучшим памятником дальневосточному путешественнику и исследователю стали его книги. Примечательно то, что в отчете о докладе в ИРГО по итогам экспедиции В. К. Арсеньева 1908 г. владивостокская газета «Приамурье» (от 10 апреля 1910 г.) отметила огромное научное значение исследований ученого и поставила его имя в один ряд с именами великих русских путешественников Н. М. Пржевальского и П. К. Козлова.

Литература

[1] Архив РГО. Ф.18. Оп. 3. Д. 21. Письмо В. К. Арсеньева к П. К. Козлову.

[2] *Кабанов. Н. Е.* Путешественник, ученый, писатель // В. К. Арсеньев. По Уссурийскому краю. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1988. 340 с.

[3] *Тарасова А. И.* Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: Наука, 1985. 216 с.

М. В. Мандрик,
СПФ А РАН

К БИОГРАФИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ГЕОЛОГА И. П. РАЧКОВСКОГО

Иван Петрович Рачковский (26.08.1878–22.10.1961) – геолог, специализировавшийся на изучении Центральной Азии, один из активных сотрудников Монгольской комиссии АН СССР, координировавший ее деятельность с Ученым комитетом МНР. В истории развития русско-монгольских отношений его деятельность освещена недостаточно, несмотря на значительный вклад, который он внес в изучение геологии Монголии.

Научно-экспедиционная жизнь И. П. Рачковского началась рано, еще со студенческой скамьи естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета в 1903 г. (обучение он смог завершить по ряду причин только в 1911 г.). Будущего ученого в Западную Монголию и Урянхайский край (Тува) командировало тогда Российское минералогическое общество. С 1908 г. он уже работал в структуре Академии наук в штате Геологического и Минералогического музея как ученый хранитель. В первых экспедициях он занимался вопросами петрографии, а затем уже чисто геологическими исследованиями.

И. П. Рачковский с 1915 г. ежегодно выезжал в экспедиции в Монголию и продолжал это делать даже в бурные годы революции и Гражданской войны. В 1921 г. его командировали в Томск и Красноярск для руководства работами по обработке геологического материала, собранного Урянхайскими геолого-топографическими партиями, а на следующий год уже назначили начальником Монгольско-Урянхайской экспедиции. В 1925 г. при СНК СССР была образована постоянная Комиссия по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик (с 1927 г. Монгольская комиссия АН СССР) и И. П. Рачковский продолжил в ней свою научную деятельность, оставаясь, при этом сотрудником Геологического музея.

В июне 1929 г. именно при его активном участии был разработан и заключен первый официальный договор между АН СССР и

Ученым комитетом МНР о сотрудничестве по изучению Монголии. В рамках этого соглашения геологический отряд И. П. Рачковского должен был дать общую ориентировку в отношении основных черт геологического строения территории Монголии, что явилось бы продолжением его прежних исследований. За время работы в 1931–1933 г. И. П. Рачковский с коллегами составил сводную схематическую геологическую карту МНР, обобщившую все имевшиеся к тому времени данные по исследованию геологии страны, а также карту полезных ископаемых с текстовыми разъяснениями. В 1936 г. на основе многочисленных данных по стратиграфии, тектоники и вулканизма территории Монголии, полученных в экспедициях, И. П. Рачковский защитил докторскую диссертацию «Элементы геологического состава и структуры площади Монголии – Тувы и проблема тектогенеза Восточной Азии».

Во время войны ученый в начале находился в Ленинграде, а в 1943 г. его эвакуировали в Киргизию, где он преподавал в местном университете. Но уже в 1944 г. он по просьбе В. Л. Комарова начинает активную деятельность по воссозданию работы Монгольской комиссии АН СССР. И. П. Рачковский был включен в состав делегации, которая по приглашению правительства МНР и в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 7 июля 1946 г. принимала участие в праздновании 25-летия Монгольской народной революции.

В конце 1940-х гг. И. П. Рачковский, будучи заместителем председателя Монгольской комиссии, вместе с З. А. Лебедевой, также участвовавшей в геологическом изучении Монголии, активно занимался обработкой материалов, полученных ими за два десятилетия экспедиций. В частности, они составил очерк по геологии и геоморфологии северо-восточной части Кобдосского нагорья Западной Монголии. Работал он и над составлением очерка «Материалы к геологии Западной Монголии», представляющего собой сводку результатов маршрутных геологических исследований академических экспедиций с использованием материалов Ученого комитета МНР. К сожалению, завершить работы он не успел и они не были изданы. После смерти мужа З. А. Лебедева обращалась в Академию с просьбой разрешить работать с его материалами, сданными на хранение в архив, но, судя по отсутствию публикаций, ей не удалось реализовать их начинание.

С. С. Миняев,
ИИМК РАН

НОИН-УЛИНСКИЕ НАХОДКИ ЭКСПЕДИЦИИ П. К. КОЗЛОВА В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Находки из элитных курганов азиатских гуннов (сюнну) в горах Ноин-Ула на севере Монголии составляют наиболее известную часть коллекции, собранной Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова в 1924–1925 гг. Шерстяные ткани, шелковые вышивки, золотые и серебряные украшения до настоящего времени привлекают внимание исследователей. Однако существенным недостатком ноин-улинской коллекции является практически полное отсутствие археологического контекста: уникальные предметы извлекались участниками экспедиции П. К. Козлова из курганов через узкие шурфы или старые грабительские ходы без какой-либо подробной фиксации. При этом расположение многих предметов, а следовательно, и их назначение остались невыясненными. Как результат, ряд находок получил некорректную интерпретацию.

Дальнейшие исследования памятников сюнну, особенно современные исследования курганов сюннуской знати с применением современных полевых методик и тщательной фиксацией места находок, позволяют теперь надежно определить функцию тех предметов, назначение которых было ранее неясно и вызывало определенные споры. Приведем лишь несколько примеров.

Бронзовые цилиндрические предметы с железными стержнями внутри ранее были интерпретированы как бронзовые палицы (чи), якобы применяемые сюнну для ближнего боя (Бернштам, 1951, с. 38). Раскопки кургана № 7 в могильнике Царам, где такие предметы были найдены, in situ позволили определить их действительное назначение. Четыре бронзовых стержня (длиной около 40 см) располагались у углов гроба. С помощью кожаных шнуров они крепились к стенкам гроба, для чего в эти стенки были вбиты специальные железные кольца с шипом. Подобное расположение и крепление бронзовых стержней вполне определенно указывают на их использование в качестве поручней для переноски гроба (Миняев, 2008).

Другие бронзовые предметы клинообразной формы с остатками железа внутри, найденные в Ноин-Уле, также были отнесены к категории оружия – они были атрибутированы как кастеты (Руденко, 1962). Однако находки в Цараме сходных предметов в составе наборов конской упряжи показывают, что они использовались как бронзовые наконечники железных псалий. Такие наконечники имели как клиновидную, так и цилиндрическую форму.

В Ноин-Уле был сделан также ряд других находок, назначение которых первоначально не вписывалось в традиционные представления о погребальных наборах для захоронений мужчин – представителей высшей сюннуской знати. К таким находкам относятся в первую очередь детские молочные зубы и женские ожерелья. Раскопки кургана № 7 в Цараме позволили надежно вписать эти находки в контекст погребальной практики сюнну. Здесь были найдены четыре погребальные куклы (одна из которых была извлечена грабителями, а три сохранились in situ), моделированные из черепа ребенка и деревянных лакированных палочек. В состав инвентаря кукол входили ожерелья, фрагменты зеркал и лакированные чашечки (Миняев, 2009). Находки кукол в Цараме позволяют с большой долей вероятности допустить, что в ряде курганов Ноин-Улы также находились погребальные куклы. Об этом свидетельствуют как находки детских и женских зубов, так и находки фрагментов зеркал и лакированных чашечек в кургане № 23 (4 лакированные чашечки), кургане № 20 (лакированные чашечки и зубы молодой женщины; Полосьмак, Богданов, 2008; Чикишева и др., 2009), в кургане № 25 (фрагмент зеркала) и в Андреевском кургане (молочные зубы ребенка).

Лакированные чашечки с надписями были найдены также в кургане № 6 (Ноин-Ула) и в кургане без номера в пади Цзурумтэ (раскопки А. Д. Симукова). Чашечка из кургана № 6 имеет гравированную надпись, начальные иероглифы которой указывают на дату изготовления чашечки — пятый год под девизом Цзянпин, который приравнивают к первому году следующего девиза – Юаньшоу, что соответствует 2 г. до н. э. Эта дата и иероглифы «шанлин» в центре донца чашечки позволили А. Н. Бернштаму предположить, что она была подарена шаньюю Учжулю среди других предметов во время его пребывания при дворе императора Ай-ди в 1 г. до н. э. Поскольку шаньюй Учжулю умер в 13 г. н. э.,

А. Н. Бернштам заключил (1951, с. 38), что именно этим годом и должен датироваться курган № 6 в Ноин-Уле.

Однако окончательно принять эту версию не позволяет находка из безномерного кургана в пади Цзурумтэ аналогичной чашечки, датируемой тем же самым годом — пятый год под девизом Цзяньпин (Симуков, 2008). Находка двух чашечек с одинаковым указанием на пятый год девиза Цзяньпин в разных могильных группах Ноин-Улы делает маловероятной атрибуцию кургана № 6 как захоронения шаньюя Учжулю и, следовательно, датировку этого кургана 13 г. н. э. Указание на 2 г. до н. э. определяет лишь terminus post quem как для кургана № 6 в Ноин-Уле (кто бы ни был в нем захоронен), так и для безномерного кургана в пади Цзурумтэ.

Vladimir Novotny,
г. Брно, Чехия

EMANUEL VLCEK AND PIOTR K. KOZLOV: A CZECH CONTRIBUTION TO KOZLOV'S EXCAVATIONS IN MONGOLIA, 1924

Emanuel Vlcek (1925–2006) was the Czech Anthropologist who visited Mongolia in 1958 as a member of Lumir Jisl's archaeological expedition to Kültegin's memorial in Orkhon Walley. After the excavations Vlcek returned to Ulanbatar in order to lead an anthropological research in the Central Museum. He focused on the conservation and reconstruction of the "Skull of a Prince from a Hun Grave-mound in Northern Mongolia". This particularly skull was excavated by Kozlov's in 1924 during his Mongolian-Tibetan Expedition on the territory surrounded by the rivers Khara, Tola and Orkhon, about 100 km north of Ulanbatar. Here, in the neighborhood of the river Khara, in the Noin-ul Mountains, near the district seat Dzun-mode, three groups of primeval grave-mounds were discovered. The skull was excavated from grave-mound No 1, called "Mokryi kurgan" and then deposited in the Museum. Vlcek's anthropological research on the skull was published in Czech in one Slovak scientific journal. The paper discusses this excavation as well as its further history.

Н. В. Полосьмак,
Е. С. Богданов,
ИАЭ СО РАН

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НОИН-УЛИНСКИХ КУРГАНОВ

Благодаря суровым природно-климатическим условиям Северной Монголии, а также особенностям погребальных сооружений высокопоставленных хунну в глубоких могильных ямах ноин-улинского могильника сохраняются предметы из органических материалов, которые обычно не доходят из столь глубокой древности. Это совершенно уникальные вещи, позволяющие увидеть, несмотря на ограбление «княжеских» могил, культуру кочевников Центральной Азии во всем ее великолепии и многообразии, чего не дают в полной мере другие памятники культуры хунну.

В рамках российско-монгольского проекта за семь лет было изучено четыре кургана на территории этого уникального памятника. Современный уровень археологических исследований позволяет досконально изучить все подробности погребального обряда, извлечь информацию ранее недоступную. К изучению материалов из погребений хунну был применен междисциплинарный подход, что во много раз увеличило информативность источников, позволило получить уникальную информацию, касающуюся как самого населения этой части Древнего мира, так и его материальной и духовной культуры.

О. Н. Полянская,
Бурятский государственный университет

МОНГОЛИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РУССКОГО КОМИТЕТА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В России XIX в. наряду с университетскими и академическими центрами по изучению стран и народов Востока существовали и различные научные общества. Изначально эти общества не создавались как востоковедные, однако с течением времени востоковедная тематика стала в них приоритетной. В начале XX в. в России появились два первых научных объединения специального востоковедного профиля: Императорское общество востоковедения (1900) и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (1903). Русский комитет, учрежденный в 1903 г. в Санкт-Петербурге, стал ведущим подразделением «Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях». Членами Комитета были востоковеды: В. Радлов (председатель), В. Бартольд, Л. Штернберг, Ф. И. Щербатской, П. С. Попов, И. Я. Коростовец, В. Л. Котвич, позднее в него вошли монголоведы А. Д. Руднев, Б. Я. Владимирцов, А. М. Позднеев. Все ученые являлись представителями разных организаций: Академии наук, Петербургского университета, его восточного факультета и ряда министерств. С первых дней своей деятельности Комитет развернул широкомасштабную работу по изучению восточных народов, избрав экспедиционный метод работ как основной. И в этом Комитет был продолжателем традиций российской научной школы востоковедения.

Монголия и сопредельные с ней районы занимали в исследованиях Русского комитета одно из важных мест. Период с 1908 по 1912 г. связан с активной работой монголоведов Русского комитета В. Котвича, А. Руднева, Б. Владимирцова, плодотворно сотрудничавших с бурятскими исследователями Цыбеном Жамсарано и Базаром Барадийным. Последние при поддержке Комитета совершили командировки к забайкальским бурятам, а также

в Монголию и Тибет. В конце 1909 г. Ц. Жамсарано был командирован в Юго-Восточную Монголию «для собирания образцов народной литературы и материалов по диалектологии». Собранные там материалы он обрабатывал в Санкт-Петербурге, куда прибыл в начале 1911 г. В связи с его работой в столице Комитет выделил ему «на текущий 1911 г. сумму в 900 рублей», которая дала ученому возможность жить в Петербурге и сосредоточиться на интенсивной обработке вышеуказанных материалов и подготовке их к печати. Ввиду успешности полевых работ, проведенных в разное время среди монгольских народов Б. Барадийным и Ц. Жамсарано, в секретариат Комитета поступило предложение от С. Ф. Ольденбурга, В. Л. Котвича, А. Д. Руднева о командировании Ц. Жамсарано вновь в Монголию, чтобы «получить разъяснения и справки, для разработки материалов», а для Б. Барадийна организовать командировку в Забайкалье «к практическим знатокам Тибета – бурятским монахам Забайкалья». В итоге в начале 1912 г. Б. Барадийным было доставлено несколько глав его труда о Лавране, а в сентябре 1912 г. он доложил о готовности двух других томов, являющихся результатом того же путешествия в Амдо.

В 1909 г. В. Л. Котвич через переписку познакомился с «представителем русского купечества в Северо-Западной Монголии» Алексеем Васильевичем Бурдуковым. «Г[осподин] Бурдуков, благодаря продолжительному пребыванию среди дэрбэтов, хорошо усвоил себе их язык, изучил местные условия и завязал там прочные связи, что дает ему возможность легче, чем кому-нибудь другому, выполнять определенные поручения по собиранию материалов…» – так охарактеризовал В. Л. Котвич А. Бурдукова перед Комитетом и просил поддержать Алексея Васильевича в его изысканиях. А. В. Бурдуков в дальнейшем оказал и значительную помощь по сбору полевых материалов еще мало изученных монгольских племен Б. Я. Владимирцову, направленному по решению Комитета летом 1911 г. на шесть месяцев в Кобдосский округ Монголии.

В 1912 г. Владислав Котвич при поддержке Комитета совершил научную командировку в один из интересных уголков Монголии – Орхонскую долину, которая славится археологическими и письменными памятниками, где он пробыл около трех месяцев, однако за этот короткий период времени проделал большой объем работы.

Таким образом, уникальное объединение под названием «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях» фактически на два десятилетия (1903–1923) стало координирующим востоковедным центром России, обеспечивая плодотворное сотрудничество многих ведущих центров в этой области как в столице, так и в регионах. Монголоведение было одним из приоритетных направлений исследовательской работы Комитета во многом благодаря деятельности ведущих ученых-монголоведов России.

И. Ф. Попова,
ИВР РАН

НАХОДКИ П. К. КОЗЛОВА И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

1. Экспедиции Российского Генерального штаба, организованные во второй половине XIX – начале XX в., сыграли выдающуюся роль в изучении истории и культуры Центральной Азии. Организованные в первую очередь с практической целью, эти экспедиции имели комплексный характер и в осуществлении своих задач опирались, в том числе, на достижения исторической востоковедной науки. При подготовке к экспедициям путешественники обращались к опубликованным письменным памятникам по древней истории Азии, пользовались консультациями и неизданными трудами востоковедов. В 1883 г. по инициативе начальника Генерального штаба Николая Николаевича Обручева (1830–1904) Военно-ученый комитет Генштаба начинает издавать «Сборники географических, топографических и статистических материалов по Азии», в которые включаются публикации по истории и зафиксированным экспедициями древним памятникам региона.

2. Находки экспедиций П. К. Козлова составили фундамент для целого ряда дисциплин, связанных с изучением древних цивилизаций Центральной Азии. В 1895 г. экспедиция В. А. Роборовского и П. К. Козлова доставила в Санкт-Петербург мешок с обрывками рукописей, подобранных и купленных в разных местах Турфанского оазиса. Это было первое крупное приобретение рукописей из Восточного Туркестана в России. Рукописи были переданы в Азиатский музей, где были разобраны С. Ф. Ольденбургом и А. О. Ивановским. Выделенные ими китайские, уйгурские и санскритские материалы составили основу центральноазиатского (серидийского) фонда АМ – Института восточных рукописей РАН. Результаты первичной обработки были представлены В. В. Радловым в докладе Академии наук, которая приняла решение командировать в Турфан в 1898 г. Дмитрия Александровича Клеменца (1848–1914). Разрабатывая план и маршрут экспедиции, он консультировался с П. К. Козловым. Впоследствии именно по

результатам рекогносцировочной поездки Д. А. Клеменца в Турфан правительства ряда европейских стран направили в регион крупномасштабные экспедиции, открывшие миру уникальные археологические и рукописные памятники исчезнувших народов и цивилизаций.

3. Открытие мертвого города Хара-Хото является не только вершиной исследовательской карьеры П. К. Козлова, но и высшей точкой всех международных научных изысканий в Центральной Азии. Доставленные Монголо-Сычуаньской экспедицией 1907–1909 гг. рукописи и предметы искусства позволили восстановить историю исчезнувшего народа тангутов, создавшего в X в. на территории Внутренней Монголии сильное государство Западное Ся. Хранящийся в Санкт-Петербурге в ИВР РАН фонд памятников тангутской письменности уже на протяжении более ста лет является главной источниковой основой мирового тангутоведения. Необычайно обширная количественно, включающая двуязычные словари, доставленная П. К. Козловым коллекция тангутских рукописей предоставила исследователям уникальную возможность дешифровать забытый язык. Такой степени дешифровки не было достигнуто ни с одним мертвым языком.

А. В. Постников,
ИИЕТ РАН

СВИДЕТЕЛЬСТВА О РАННИХ КОНТАКТАХ РОССИЯН С ТИБЕТОМ В «МЕМОРАНДУМАХ О ТИБЕТЕ» ДЖОРДЖА БОГЛА (1774–1775 гг.): К ИСТОРИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА «БОЛЬШОЙ ИГРЫ» В АЗИИ

Замечательный советский историк-востоковед академик Александр Андреевич Губер (1902–1971) любил говорить: «Режимы приходят и уходят, а национальные интересы остаются». История «Большой игры» в Азии является яркой и непреходящей иллюстрацией справедливости этого высказывания русского потомственного дворянина и интеллигента.

Сам термин «Большая игра» впервые, судя по всему, был употреблен английским исследователем и разведчиком Артуром Конолли, ставшим в 1842 г. одной из первых жертв холодной войны XIX в. между Великобританией и Россией за геополитическое господство в Центральной Азии.

Соперничество между Россией и Британией началось в достаточно явной форме уже с 60-х гг. XVIII в., когда императрица Екатерина II решительно возродила активную европейскую политику, начатую Петром I, и острие этой политики прежде всего было направлено на бассейн Средиземного моря в поддержку национально-освободительных движений наших единоверцев греков против Османской империи. В русско-турецких войнах этого периода впервые после правления Петра российский флот показал всю свою мощь и обеспечил России возможность создания Черноморского флота и постоянного выхода в Средиземноморье. Британия практически непрерывно поддерживала Турцию и делала всё возможное, чтобы ослабить, а иногда и свести на нет политические итоги русских побед на море и на суше.

Именно в это время в правящих кругах России появились идеи использования давления на среднеазиатские ханства и угрозы британским владением в Индии. Идеи эти вызвали весьма эмоциональную реакцию в Великобритании, явно подпитывавшуюся в правительственных кругах.

Одним из проявлений этой реакции была активизация политики Британии на северных рубежах владений ее Ост-Индской компании. Ранним документальным свидетельством такой политики является обнаруженный автором в Отделе рукописей Национальной библиотеки Франции в Париже вариант отчета («Меморандумы о Тибете») английского посланника Ост-Индской компании в Бутане и Тибете (1774–1775), молодого шотландца Джорджа Богла (1746–1781). Эти «Меморандумы» представляют собой третью, неизвестную ранее версию коллекции документов британского дипломата и путешественника, причем эта версия по содержанию является наиболее полной, так как содержит варианты документов других, известных ранее коллекций. В этом ценном источнике приводятся сведения о тесных контактах тибетцев в XVIII в. с подданными России, исповедовавшими (и исповедующими до сих пор) буддизм (главным образом калмыками, бурятами, тувинцами и монголами), а также об активной торговле сибирскими товарами русского мануфактурного производства в Тибете. Следует подчеркнуть, что такого рода сведения полностью отсутствуют в современных трудах англоязычных авторов, посвященных Джорджу Боглу и его миссии. Материалы Богла представляют собой уникальный источник сведений по географии и этнографии Тибета второй половины XVIII в.

Р. Л. Потапов,
ЗИН РАН

РОЛЬ П. К. КОЗЛОВА В ИЗУЧЕНИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЫ ТИБЕТСКОГО НАГОРЬЯ

Среди важнейших открытий, совершенных П. К. Козловым в Центральной Азии, до сих пор не получили должного освещения его исследования горного массива Нань-Шань, составляющего северо-восточную часть Тибетского нагорья, чрезвычайно важные для изучения географии Азиатского материка в целом и Центральной Азии в частности. В известной мере это можно объяснить тем, что данные исследования выполнялись им в составе Тибетской экспедиции, возглавлявшейся В. И. Роборовским, также учеником Н. М. Пржевальского, в 1893–1895 гг. В этой экспедиции, исследования которой охватили обширный район Центральной Азии от Тянь-Шаня и до восточных окраин Тибета, П. К. Козлов являлся старшим помощником В. И. Роборовского. В процессе работы для максимально более широкого охвата изучаемых территорий экспедиция неоднократно разбивалась на два отряда, работавшие по согласованному плану, причем неизменно один из отрядов возглавлял П. К. Козлов, а другой – В. И. Роборовский. В конце работы из-за болезни В. И. Роборовского П. К. Козлову пришлось возглавить всю экспедицию.

На последних этапах работы экспедиции в 1894–1895 гг. при очередном разделе ее на 2 отряда на долю П. К. Козлова выпало исследование горной системы Нань-Шаня, непосредственно примыкающей к хребтам собственно Тибетского нагорья. По этой причине во многих трудах, посвященных выяснению его границ, в отношении Нань-Шаня имеются значительные разногласия, хотя исследования П. К. Козлова этой области летом и осенью 1894 г. позволяют выяснить эти границы вполне определенно.

Система Нань-Шаня протягивается от восточных окраин Кунь-Луня рядом параллельных хребтов северо-западного – юго-восточного простирания более чем на 800 км, при общей ширине всей системы в 300 км, максимальной высоте отдельных вершин до 5900 м над уровнем моря и уровнем долин свыше 4000 м.

Вся эта обширная территория была пересечена несколькими петлеобразными маршрутами небольшой группой П. К. Козлова (3 человека), общая протяженность которых составила примерно 3300 км и заняла в целом 7 месяцев.

В результате кроме постоянных климатических и навигационных инструментальных измерений и сбора ботанических и зоологических коллекций был собран и описан огромный материал по ландшафтному облику изучавшихся территорий, впоследствии полностью опубликованный. Здесь очень важно отметить одну деталь, весьма примечательную для всех центральноазиатских экспедиций российских исследователей, – это высокий уровень тщательного описания ландшафтов: характера поверхности, грунтов, характера и крутизны склонов, особенностей русел водотоков, особенностей перевалов, даже панорам, открывавшихся с того или иного из них. Все это вместе создает у читателя эффект личного присутствия. Особенности такого подхода к описанию изучаемых территорий, того, что сейчас называется ландшафтоведением, были впервые разработаны и усовершенствованы именно Н. М. Пржевальским, а результаты работы его учеников со всей очевидностью свидетельствуют о том, что они досконально изучили экспедиционные методики своего учителя.

Сам П. К. Козлов не ставил себе целью определить границы Тибетского высокогорья, но собранные им материалы во многом облегчают задачу современным исследователям. Тем более что П. К. Козлов, прекрасно разбираясь в животном и растительном мире изучаемых областей, не уставал упоминать о встрече в различных местах как растений, так и животных, особо характерных или эндемичных для Тибета. А в одном из мест отчета, посвященных описанию животного мира, даже привел свои наблюдения о восточной границе распространения таких характернейших тибетских животных, как дикий як и антилопа-ада, совпадавшей с меридианом озера Куку-Нор (101° в. д.).

Данное исследование помогает автору этого сообщения, занимающемуся как раз более четким установлением границ Тибетского высокогорья, определить природную восточную границу Тибетского нагорья в пределах Нань-Шаня, по восточным склонам восточного окончания Хребта Александра III. Иными словами, материалы исследований П. К. Козлова в Нань-Шане показали

значительную неоднородность его природных условий. Их анализ показывает, что к области Тибетского нагорья относятся только западные и центральные хребты Нань-Шаня, тогда как восточные его части уже подпадают под влияние тихоокеанских муссонов, вследствие чего их растительность и животный мир носят уже совсем иной характер.

С. В. Рожнов,
А. Ю. Розанов,
ПИН РАН

ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МОНГОЛИИ

В связи с юбилеем П. К. Козлова, одного из первых исследователей Центральной Азии, следует обратить внимание на уникальные палеонтологические исследования в Монголии, проведенные в основном российскими специалистами. Богатство Монголии палеонтологическими сокровищами было предсказано основателем Палеонтологического института А. А. Борисяком в 1915 г. на основании изучения третичных млекопитающих Казахстана и находки В. А. Обручевым в 1892 г. на плато Хульджин (Внутренняя Монголия) зуба бронтотерия. На этих прогнозах были основаны исследования Центральноазиатской экспедиции Американского музея естественной истории в 1920-х гг. под руководством Роя Чапмэна Эндрюса. Этой экспедицией были открыты местонахождение позднемеловой фауны позвоночных Баин-Дзак и раннемеловых позвоночных Анда-Худук и Оши, а также палеоценовое местонахождение млекопитающих Гашато и олигоценовые Ардын-Обо и Татал-Гол. Одновременно с экспедицией Эндрюса начались широкие работы советских геологов, а также нескольких ботанических и географических отрядов, благодаря которым были открыты новые местонахождения динозавров.

В 1946 г. начались работы Монгольской палеонтологической экспедиции АН СССР, организованной Палеонтологическим институтом. Начальником экспедиции был И. А. Ефремов, а научным консультантом — непосредственно директор института Ю. А. Орлов. Экспедиция проработала три сезона. За это время были изучены ранее известные и открыты крупнейшие новые местонахождения в Южной и Центральной Гоби. Особое значение в этих местонахождениях имели находки лимнофильных гадрозавров и зауропод, указывавшие на развитие обширных водоемов в позднем мелу Центральной Азии, и огромных хищных карнозавров и панцирных анкилозавров, ранее вообще неизвестных в Старом Свете. Итогами работы экспедиции стали открытия

фаун разнообразных верхнемеловых динозавров, палеоценовых и раннеэоценовых млекопитающих, выделение трех группировок меловой фауны и открытие богатейшего палеонтологического района в Нэмэгэтинской котловине.

С 1969 г. начала работать Совместная Советско-Монгольская палеонтологическая экспедиция (Российско-Монгольская с 1992 г.). Ее задачей стало комплексное изучение палеонтологии Монголии, включая остатки всех докембрийских и палеозойских организмов, а не только позвоночных мезозоя и кайнозоя. Результатом ее многолетних работ, продолжающихся и в настоящее время, стало описание 9 новых семейств и 35 новых видов динозавров и расширение представлений об эволюции других групп рептилий – птерозавров, крокодилов, черепах, ящериц. Была собрана уникальная коллекция ископаемых птиц и открыта богатейшая фауна нижнемеловых млекопитающих в Хобуре, позволившая сделать вывод, что Центральная Азия в то время была одним из крупнейших центров адаптивной радиации плацентарных млекопитающих. Было исследовано более 50 местонахождений пресноводной ихтиофауны и более сотни местонахождений насекомых, образующих последовательный ряд от перми до кайнозоя. Особое значение имели работы по изучению вендо-кембрийских отложений. На базе электронно-микроскопических исследований нижнекембрийских фосфоритов Хубсугульского месторождения было разработано новое направление – бактериальная палеонтология. За время работы экспедиции были изучены палеозойские брахиоподы, кораллы, мшанки, трилобиты и растения. Материалы экспедиции опубликованы в 48 томах научных трудов СРМПЭ, десятках монографий и сотнях статей. Из собранных в Монголии материалов было смонтировано несколько десятков полных скелетов меловых динозавров и кайнозойских млекопитающих, которые выставлены в Государственном музее Монголии и музее Геологического института в Улан-Баторе. В рамках работы экспедиции были подготовлены монгольские специалисты по палеонтологии, и большая группа монгольских палеонтологов высшей квалификации проводит теперь самостоятельные исследования различных групп фауны. Пятитомная сводка «Палеонтология Монголии» отобразила итоги многолетнего сотрудничества палеонтологов России и Монголии. С середины 1990-х гг. развернули работы по сбору и

изучению позвоночных животных группы палеонтологов из США, Японии, Южной Кореи, Китая. Но именно в результате многолетнего российско-монгольского сотрудничества Монголия стала наилучше изученной в палеонтологическом отношении страной в Азии, а палеонтология стала визитной карточкой Монголии.

Н. Н. Серегин,
Алтайский государственный университет

ВКЛАД РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК МОНГОЛИИ*

Долгое время Монголия оставалась «белым пятном» на археологической карте Центрально-Азиатского региона. В последние десятилетия ситуация начинает улучшаться, что связано с активными исследованиями, проводимыми как местными монгольскими специалистами, так и экспедициями, организованными зарубежными учеными.

В числе объектов различных исторических периодов раскопаны комплексы раннесредневековых тюрок, оказавших огромное влияние на историческое развитие кочевых империй региона. Представляется возможным утверждать, что в настоящее время исследование памятников Монголии 2-й половины I тыс. н. э. выходит на новый уровень, в связи с чем важной задачей становится осмысление итогов работ прошлых лет, в том числе оценка вклада российских археологов в изучение погребальных комплексов раннесредневековых тюрок.

Археологические памятники тюрок 2-й половины I тыс. н. э., расположенные на территории Монголии, стали известны российским ученым уже с середины XIX в. Долгое время имеющаяся информация исчерпывалась сведениями лишь о ритуальных объектах – каменных изваяниях, а также «элитных» мемориальных комплексах. Вместе с тем попытки интерпретации результатов раскопок погребений раннесредневековых кочевников Монголии предпринимались уже начиная с 1920-х гг. Первое достоверно известное захоронение тюркской культуры в рассматриваемом регионе было исследовано Г. И. Боровкой в 1925 г. на памятнике Наинтэ-суме. Автор датировал объект VI–VIII вв., указав на то, что могила принадлежала рядовому члену общества номадов «эпохи турок-огузов»

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Систематизация, анализ и комплексное изучение археологических памятников Монгольского Алтая», проект № 13-21-03003а(м).

[1]. Количество раскопанных погребений раннесредневековых номадов Монголии пополнилось в результате работ, проведенных в 1949 г. Л. А. Евтюховой [3]. Курган № 2 могильника в урочище Джаргаланты исследовательница датировала VIII–IX вв. и соотнесла с захоронением Наинтэ-суме, указав на схожесть обоих объектов с памятниками Алтая этого времени. По мнению Л. А. Евтюховой, в обозначенных могилах были похоронены представители тюркского населения, пришедшие в монгольские степи в VI в. и принесшие характерный обряд погребения с лошадью.

Долгое время в российской научной литературе информация о погребальных комплексах раннесредневековых тюрок Монголии ограничивалась сведениями именно об этих объектах. Захоронения, исследованные на памятниках Наинтэ-суме и Джаргаланты, содержали весьма показательный материал, демонстрировавший схожесть комплексов Монголии с объектами тюркской культуры на сопредельных территориях. А. А. Гаврилова [2], характеризуя специфику памятников тюрок на различных территориях, отнесла упомянутые погребения к выделенному ею катандинскому типу могил (VII–VIII вв.). Предметный комплекс из памятников Наинтэ-суме и Джаргаланты учитывался также в монографии Б. Б. Овчинниковой [4].

Характеристика погребальных комплексов тюркской культуры Монголии представлена в ряде работ Ю. С. Худякова. При участии исследователя было раскопано и опубликовано несколько объектов, что позволило ему привести развернутую интерпретацию исследованных комплексов. По мнению Ю. С. Худякова [6], большинство погребений тюркской культуры (археолог учел, судя по приведенным описаниям, 7 памятников) относится к VIII–X вв. и лишь единичные захоронения датируются более ранним временем. Исследователь отметил, что обрядность раннесредневековых тюрок Монголии отличается значительной вариабельностью. Предложенная Ю. С. Худяковым датировка памятников кочевников рассматриваемой общности поддержана Д. Г. Савиновым [5]. Археолог подчеркнул, что именно в VIII–IX вв. погребения с конем тяготеют к южным районам Алтае-Саянского нагорья и получают распространение на территории Монголии.

К настоящему времени опубликованы результаты раскопок чуть менее 20 погребений раннесредневековых тюрок Монголии.

По оценкам монгольских археологов, их количество достигает 40 объектов. Таким образом, значительная часть комплексов до сих пор не введена в научный оборот и практически неизвестна специалистам. В связи с этим актуальность продолжения работ российских исследователей на территории Монголии заключается не только в получении новых археологических материалов по истории раннесредневековых тюрок; не меньшее значение имеет качественная публикация результатов раскопок прошлых лет, а также объективная интерпретация накопленных данных.

Литература

[1] *Боровка Г. И.* Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.

[2] *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

[3] *Евтюхова Л. А.* О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. 1957. № 2. С. 207–217.

[4] *Овчинникова Б. Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

[5] *Савинов Д. Г.* Древнетюркские племена в зеркале археологии // Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 180–343.

[6] *Худяков Ю. С.* Типология погребальных памятников кочевников Монголии эпохи раннего и развитого средневековья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2002. С. 150–160.

Martin Slobodník,
Comenius University
Bratislava, Slovakia

LABRANG MONASTERY IN THE EYES OF P. K. KOZLOV AND OTHER FOREIGN VISITORS

The contribution is focused on the presentation of the Labrang Tashikhyil (*bla brang bkra shis 'khyil*) monastery in the writings of P. K. Kozlov, who visited this monastic center in northeastern Tibet (Amdo) in 1909. Due to the proximity of the Labrang monastery to the east-west trade routes running through the Gansu Corridor as well as pilgrim and trade routes running in the north-south direction, by the early 20th century it was visited by several foreign travelers and explorers. The aim of the contribution is to provide a comparative research of the portrayal of the monastery, the monk community and the area as reflected in the travelogues of P. K. Kozlov, the Buryat-Russian scholars and explorers G. Ts. Tsybikov (1900 in Labrang), B. B. Baradin (1906–1907), the British diplomat Eric Teichmann (1907), the Finnish-Russian explorer and military officer Carl Gustaf Emil Mannerheim (1908), the French explorer Henri d'Ollone (1908), and the British explorer George Pereira (1912). The wide range of authors with different cultural, intellectual and professional background will provide a varied comparative framework which will enable an analysis of the perception of Tibet and Tibetan Buddhism in the early 20th century on the example of the Labrang monastery.

В. А. Снытко,
ИИЕТ РАН

АКАДЕМИК В. Б. СОЧАВА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В творческом наследии академика Виктора Борисовича Сочавы (1905–1978) существенное место занимают исследования Центральной Азии. Им было предложено новое физико-географическое деление Северной Азии, где свое место нашла Центрально-Азиатская область со своей уникальностью, проявлением зональных и азональных закономерностей [1].

Детальным исследованиям под руководством В. Б. Сочавы была подвергнута Онон-Аргунская степь в Забайкалье, рассматриваемая как часть Центрально-Азиатской физико-географической области. В работе [2, с. 5] В. Б. Сочава писал: «Онон-Аргунские степные пространства как бы совмещают в себе черты горных и равнинных ландшафтов. Природные (физико-географические) провинции нередко относят к двум категориям: 1) входящие в состав широтных зон и 2) характеризующиеся вертикально-поясной структурой. Онон-Аргунская степь представляет собой особую категорию, которой свойственна интегральная структура, совмещающая элементы широтной зональности и вертикальной поясности. Это определяет многие черты Онон-Аргунского ландшафта, сказывается на факторальных и динамических рядах физико-географических фаций и на многом другом, существенном с точки зрения структуры ландшафта и в плане его практического использования и перспектив преобразования». Крупномасштабные детальные карты на ключевых участках составлялись Т. И. Исаченко [3]. На картах показаны ассоциации, их серийные ряды и другие пространственные совокупности. Приведены примеры картографирования с большим и меньшим участием лугово-солончаковой растительности, которые демонстрируют зависимость растительного покрова от рельефа и степени засоления грунта. В урочище Алкучанский Говин изучены сезонные ритмы природных явлений в типичных фациях [4].

В. Б. Сочава организовал стационарные исследования в тайге и

степях Сибири. Первым сибирским географическим стационаром стал Харанорский степной стационар в Онон-Аргунской степи (Юго-Восточное Забайкалье). Методика экспериментальных стационарных исследований опиралась на выявление связей между изменяющимися физическими характеристиками почв и растительности и биологическими, биохимическими, геохимическими и гидрологическими характеристиками геосистем. В. Б. Сочава [5] считал, что сопряженное изучение природных режимов в целях уяснения принципов их интеграции, т. е. взаимодействия между ними, вызывающего ландшафтообразующий эффект (действующее начало единого физико-географического процесса), позволит выразить взаимоотношения между явлениями и процессами. Поиск комплекса количественных методов оценки режимов ее элементарных ячеек привел к пониманию фаций как управляющих систем и разработке метода комплексной ординации (МКО), соединившего методы геофизики, геохимии и биогеоценологии в практике ландшафтного исследования [6]. Конкретная информация о показателях процессов собиралась в полевых условиях на полигоне-трансекте по факторальному ряду фаций, типичных для урочища, с соблюдением синхронности и синтопности исследований. Харанорский стационар внес весомый вклад в дело познания структуры, динамики и функционирования степных геосистем. Именно результаты работ стационара во многом способствовали созданию учению о геосистемах В. Б. Сочавы.

Литература

[1] *Сочава В. Б.*, *Тимофеев Д. А.* Физико-географические области Азии // Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока. 1968. Вып. 19. С. 3–19.

[2] *Сочава В. Б.* Онон-Аргунская степь как объект стационарных физико-географических исследований // Алкучанский Говин. Опыт стационарного изучения степного ландшафта. М.; Л., 1964. С. 3–23.

[3] *Исаченко Т. И.* О картографировании серийных и микропоясных рядов в долинах и озерных котловинах // Геоботаническое картографирование. 1967. Л., 1967. С. 42–57.

[4] *Бузлукова Е. И.*, *Горшкова А. А.*, *Некипелов Н. В.*, *Фриш В. А.* Сезонные ритмы некоторых природных явлений в типичных фациях Алкучанского Говина // Алкучанский Говин. Опыт стационарного изучения

степного ландшафта. М.; Л., 1964. С. 92–153.

[5] *Сочава В. Б.* Структурно-динамическое ландшафтоведение и географические проблемы будущего // Докл. Ин-та географии Сибири и Дальнего Востока. 1967. Вып. 16. С. 18–31.

[6] *Сочава В. Б.*, *Волкова В. Г.*, *Дружинина Н. П.* и др. Метод комплексной ординации в ландшафтоведении и биогеоценологии // Докл. Ин-та географии Сибири и Дальнего Востока. 1967. Вып. 14. С. 3–17.

Н. А. Сутягина,
Государственный Эрмитаж;
Г. Л. Иванов,
Иркутский областной краеведческий музей

БАЛЛОДОВСКИЙ КУРГАН: ИССЛЕДОВАТЕЛИ И КОЛЛЕКЦИИ

Баллодовский курган стал первым памятником хунну в горах Ноин-Ула, с которым познакомился научный мир. Несмотря на случайный характер открытия этого памятника, А. Я. Баллод сохранил в своих письмах скупую, но важную информацию о работе, проделанной в 1912 г. Ценные данные собрали и сохранили сотрудники экспедиции П. К. Козлова. Ими был составлен план могильника, зафиксированы особенности стратиграфии кургана, детали деревянной конструкции. В ходе работ обнаружены предметы сопроводительного инвентаря, которые дополнили и расширили коллекцию, полученную А. Я. Баллодом. Основные знания об этом кургане отражены в работах Я. Н. Ходукина (1926) и С. И. Руденко (1962).

Работа с материалами коллекций музеев и архивов Санкт-Петербурга и Иркутска, где хранятся вещи и письменные свидетельства об изучении этого памятника, позволила с большой долей достоверности восстановить комплекс Баллодовского кургана в полном объеме. В его состав входили колесница, конская упряжь, лаковые чашечки, изделия из нефрита, ткани и другие предметы – то, что является неотъемлемой частью элитного кургана хунну. Типологические особенности отдельных предметов позволяют выделять этот курган среди прочих захоронений в горах Ноин-Ула не только по размерам сооружения, но и по составу сопроводительного инвентаря.

Информация об истории исследования, редкие фотографии и рисунки участников работ позволяют увидеть этот курган целостным комплексом, что дополняет наши знания о культуре хунну. В настоящее время вещи из Баллодовского кургана хранятся в Государственном Эрмитаже и Иркутском областном краеведческом музее. Некоторые из них находятся на постоянной экспозиции Отдела Востока Государственного Эрмитажа «Культура и

искусство Центральной Азии».

David Schimmelpenninck van der Oye,
Brock University
St. Catharines, Ontario, Canada

АГЕНТЫ ИМПЕРИИ? РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И БОЛЬШАЯ ИГРА

Американский культуролог Эдвард Саид в своей знаменитой книге «Ориентализм» (1978), утверждает, что для европейцев изучение Азии неразрывно связано с ее завоеванием и властвованием над азиатскими народами. Многие выдающиеся российские исследователи Центральной (Внутренней) Азии в XIX в., как известно, принадлежали к военному сословию. В какой степени они служили интересам колониальной экспансии царской России? В докладе рассматриваются весьма непростые и отчасти парадоксальные отношения между российскими научными исследованиями в регионе и имперской политикой царской России, с акцентом на карьерах таких исследователей, как Николай Пржевальский, Михаил Венюков и Пётр Козлов.

Т. Ю. Феклова,
СПбФ ИИЕТ РАН

ПОДГОТОВКА ЭКСПЕДИЦИИ К АРАЛЬСКОМУ МОРЮ 1837–1839 гг.: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ*

Многочисленные экспедиции Академии наук внесли важную лепту в развитие российской науки. Значимость достигнутых ими результатов уводит внимание исследователей от организационных особенностей их подготовки. Однако именно эти вопросы позволяют расмотреть характер взаимодействия различных учреждений в Российской империи. Снаряжение экспедиции к Аральскому морю 1837–1839 гг. показательно в плане междуведомственных отношений.

Регион Средней Азии в XIX в. представлял конгломерат мало связанных между собой феодальных государств, постоянно боровшихся друг с другом и совершающих нападения на соседние государства. В 1835 г. в военных кругах Российской империи была признана необходимость совершения военного похода на Хиву. В 1837 г. оренбургским военным губернатором В. А. Перовским планировалось отправить помимо военного отряда большую исследовательскую экспедицию к Аральскому морю.

Получив подготовленный план предполагаемого военного похода к Аральскому морю, император Николай I распорядился о прикомандировании к военному отряду ученых Академии наук для проведения исследований на территории этого региона. В середине сентября 1837 г. Академия наук представила проект экспедиции к Аральскому морю, а также инструкцию для ученых. Согласно инструкции, ученые должны были проводить ботанические и зоологические исследования, составлять геоморфологическое описание типов берегов Аральского моря, а также собирать этнографические коллекции.

В ноябре 1837 г. в состав экспедиции вошли Г. П. Бонгард,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-33-01065а.

К. Ф. Кесслер, Н. И. Железнов и И. Г. Вознесенский. Топографическое определение мест было возложено на офицеров Генерального штаба Военного министерства, прикомандированных к экспедиции. Академик В. Я. Струве снабдил офицеров необходимыми приборами и инструкциями. К марту 1838 г. была составлена смета экспедиции (18 416 рублей) и заказаны экипажи.

Осуществлению этих планов помешало ухудшение отношений между Россией и Хивинским ханством в 1838 г. Поэтому 1 января 1839 г. В. А. Перовский принял решение перенести начало предприятия на весну 1839 г. Окончательно дата выступления не была точно определена. В июле 1839 г. С. С. Уваров сообщил Николаю I, что В. А. Перовский считает возможным начать экспедицию в апреле 1839 г. и соответственно ученые должны будут прибыть в Оренбург в конце февраля.

Академия наук в начале 1839 г. подготовила второй проект экспедиции. Весной 1839 г. экспедиция вновь не состоялась, ее отправление было перенесено на ноябрь из-за того, что лето в тех местах обычно засушливое, а точных сведений о достаточном количестве водоемов, пригодных для обеспечения отряда водой, не было. Таким образом, Академия была вынуждена в третий раз скорректировать планы. Предполагаемая летняя экспедиция превратилась в зимнюю, и соответственно поменялись как условия, так и будущее собрание коллекций. Учитывая вновь изменившиеся обстоятельства, по предложению К. М. Бэра Академия наук приняла новый, более расширенный план экспедиции.

Политическая нестабильность в Хиве, а также отдаленные последствия засухи 1837 г. обострили положение на южной границе России. Из-за военных и политических осложнений между Российской империей и Хивинским ханством предполагаемая исследовательская экспедиция с участием ученых Академии наук не состоялась. Изучение обширной документации, касающейся организации этой экспедиции, позволяет нам полнее представить все этапы ее подготовки, взаимодействие как различных ведомств между собой, так и Академии наук с другими учреждениями и властью.

А. А. Хисамутдинов,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток

П. К. КОЗЛОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ И. И. СЕРЕБРЕННИКОВА (КИТАЙ)

Бывший деятель РГО в Иркутске и автор многих книг и статей о Гражданской войне, краеведении и Китае, бывший колчаковский министр Иван Иннокентьевич Серебренников (1882–1953, Тяньцзинь) неоднократно встречался с П. К. Козловым в России и в 1925 г. в Тяньцзине. Позднее Иван Иннокентьевич вспоминал: «Мы радостно встретились с П. К. Козловым. Он немного постарел и был одет, можно сказать, по-советски: на нем был глухой френч и высокие сапоги, каковые мы уж совсем отвыкли видеть здесь. П. К. рассказал мне кое-что из своей жизни за революционные годы, о своих новых археологических открытиях в Монголии и расспросил меня о моем пребывании в Китае. По моей просьбе П. К. Козлов оставил мне на память свой автограф, написав на почтовой открытке следующее: “20/V 1925. Счастливое утро: высокое удовольствие – в Тяньцзине, среди громадных, европейских домов встретить научный уют – библиотеку русскую и своих родных соотечественников, в частности, Ив. Инн. Серебренникова. П. Козлов”» (Гуверовский архив. Коллекция. Serebrennikov I. I., box 10. Серебренников И. И. Мои воспоминания (1925–1931): Рукоп. Л. 23). На основании личного архива И. И. Серебренникова, находящегося в архиве Гуверовского института (США), в докладе даны сведения о встречах П. К. Козлова и И. И. Серебренникова, о деятельности Российской общины в Тяньцзине (1925) и русских географах-эмигрантах в Китае.

Е. В. Шелепова,
Алтайский государственный университет,
г. Барнаул

КОЧЕВЫЕ КУЛЬТУРЫ МОНГОЛИИ: ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ В XIX И НАЧАЛЕ XX в.*

Изучение памятников кочевников в Монголии открывает широкие перспективы для выявления этно- и культурогенеза на территории Центральной Азии в древности и Средневековье. Они были обозначены во второй половине XIX – начале XX в.

В. В. Радлов, впервые поставивший вопрос о выделении тюркской культуры, разделял историко-географическую концепцию К. Риттера и считал, что в природных условиях степи возможны только кочевой образ жизни, обусловленная им система хозяйствования и общественного устройства. Поездка в Западную Монголию в 1870 г. позволила ему рассуждать об археологическом своеобразии отдельных районов страны. Например, формы каменных надгробных сооружений из Западной Монголии (особенно херексуров), по его мнению, не похожи на алтайские, енисейские, хакасские варианты.

Н. М. Ядринцев занимался как археологией, так и вопросами исторической географии, установлением связей Монголии с пограничными районами Южной Сибири. Ему удалось обозначить границы распространения ряда погребальных сооружений, а также объектов монументальной скульптуры. Он считал, что народ, оставивший херексуры, населял в основном горные места. Происхождение каменных изваяний следует искать в Монголии, «у племен, сохранивших обычай ставить на могилах фигуры». Исследователем более четко была установлена историко-географическая локализация таких племен, как тюрки, уйгуры, монголы. Н. М. Ядринцев придерживался теории К. Риттера и считал, что в Монголии для кочевания наиболее пригодны долины

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-31-01222а/2 «Изучение историко-культурного наследия Западной Монголии в XIX – начале XX в.».

Орхона, Толы и Хангай; до сих пор эти места привлекают людей. Другое его утверждение выглядит следующим образом: новые кочевые государства в Монголии возникали за счет захвата скота и пастбищ, но при этом развитие номадов оставалось на прежнем уровне. С учетом современных исследований можно согласиться только с частью этих выводов.

Об определяющем влиянии природно-географических факторов писал Г. Н. Потанин. Правда, он изучал локальные культуры, а его «историческая концепция» значительно отступала от сравнительно-исторического метода, популярного во второй половине XIX в. Г. Н. Потанин старался дать оценку культурно-исторической принадлежности «оленных» камней, обосновав их классификацию. Ученый совершенно верно заметил, что «оленные» камни составляют органичное целое с различными сооружениями.

Он по сути дела впервые определил круг вопросов, касающихся изучения херексуров. При выделении типов курганов он учел такие значимые параметры, как размеры, расположение на местности, конструктивные элементы. В альбоме ко второму выпуску «Очерки Северо-Западной Монголии» представлены почти все из известных сейчас типов херексуров.

Концепция В. В. Радлова и Г. Н. Потанина развивалась Д. А. Клеменцем. Период с 1891 по 1896 г. он посвятил изучению археологии и этнографии Монголии. Богатое историко-культурное наследие, по мнению Д. А. Клеменца, в перспективе могло стать поводом к созданию археологической карты страны. Сделанные ученым фотографии памятников (сейчас хранятся в архиве МАЭ РАН), их описания, географические карты Монголии действительно могли способствовать реализации этой задачи.

Д. А. Клеменцу, как и другим исследователям, приходилось неоднократно фиксировать свидетельства использования археологических объектов современным населением Монголии. Херексуры, например, превращались в обо. Ученый писал, что строители херексуров в небольшом количестве расселялись в Гобийском Алтае, а центр культуры находился в Хангае. Она существовала долго, о чем свидетельствует фиксируемое разнообразие в оформлении сооружений.

Д. А. Клеменца интересовал также вопрос генезиса тюркской

культуры. Исконную территорию проживания тюркских племен он помещал в пределах Большого Алтая. Сейчас эти предположения в ходе археологических раскопок на Алтае подтверждаются. Совершенно верно отмечалась этнокультурная и природно-географическая близость Западной Монголии и Алтая, Восточной Монголии и Забайкалья.

Историко-географическое описание Монголии оставил известный востоковед А. М. Позднеев. Он писал, что политическая жизнь страны развивалась преимущественно в северо-западных областях, по южным и восточным окраинам. По всем этим местам «скитались орды кочевников». Этнографические реалии заставили задуматься над историческим прошлым Монголии. Например, отдельные могилы по своему внешнему виду А. М. Позднеев сравнивал с монгольскими обо.

Кочевые культуры интересовали известного российского исследователя П. К. Козлова. В 1899–1901 гг. по Западной Монголии проходила часть маршрута его экспедиции. Продвигаясь по р. Кобдо, ученый «по пути» отмечал херексуры и другие объекты. Поддержка местных властей позволяла П. К. Козлову выделять отряды для выявления археологических памятников, знакомства с этнографией страны.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. была заложена основа для целостной характеристики древних и средневековых кочевых культур Монголии. Ученые приблизились к пониманию специфики распространения и назначения археологических памятников в отдельных районах «археологического Эльдорадо», их этнической принадлежности.

В. А. Широкова,
ИИЕТ РАН

КАСПИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ БЭРА: 1853–1857 гг.

В 1853 г. Министерством государственных имуществ была организована специальная научная экспедиция под руководством К. М. Бэра, которая несколько лет работала в бассейнах Каспийского, Азовского и Черного морей. Шесть лет сотрудники экспедиции изучали состояние рыболовства на Каспийском море и впадающих в него реках, на Азовском, Черном и Белом морях, на побережье Северного Ледовитого океана, на озерах Чудском, Псковском, Ладожском, Ильмень. Девять томов «Исследования о состоянии рыболовства в России», увидевших свет в 1860–1875 гг., содержали не только анализ тогдашнего положения в рыбном хозяйстве, но и основы биологии промысловых рыб и послужили крепким фундаментом для проектов рыболовного законодательства.

Отметив уменьшение рыбы в Средней Волге по сравнению с прошлыми годами, хищнические, недопустимые методы ее добычи, экспедицией также выяснялись причины обеднения рыбных запасов Каспия, отмеченных астраханскими и каспийскими рыбопромышленниками (АВПРИ. Ф. 161, II–6. Оп. 6, 1834–1835. Д. 3 «О мерах, принятых к сохранению от разработки рыбопромышленниками в ущерб казне»). Основной причиной этого явления считалось возможное увеличение солености за счет «обмеления моря». В ходе этой экспедиции К. М. Бэр совместно с Н. Я. Данилевским и А. Я. Шульцем в 1853–1856 гг. впервые организовал строго планомерные, комплексные исследования гидрологических, гидрохимических и гидробиологических свойств воды Каспийского моря.

Поскольку для жизнедеятельности каждого вида рыб необходим определенный набор природных факторов, в том числе диапазон солености, то особое внимание из-за рыбопромышленного «заказа» было уделено определению этого фактора воды.

Пробы воды, отобранные в ходе этих исследований, анализировались в стационарной лаборатории. Было установлено, что соле-

ность каспийских вод (около 1,4%) вдвое ниже, чем вод открытого океана, но имеет повышенное содержание сернокислого магния. Еще более пресной была вода в мелководной части северного Каспия в зоне впадения рек Волги, Урала и др. (всего 0,5%).

Исследования солености каспийских вод проводились и ранее [1], однако пробы воды при этом отбирались только в устьевых участках Волги и Урала. Бэр впервые отобрал пробы в неопресненной части Каспийского моря и тем самым определил действительную соленость каспийских вод, а также проследил зависимость видового состава рыб от изменения солености воды (научный комплексный подход при изучении биогеографии внутренних водоемов стал основой для будущих изысканий исследовательских экспедиций. – *В. Ш.*). Научные результаты этой экспедиции К. М. Бэр опубликовал в восьми «Очерках Каспийского моря» (Kaspische Studion, 1855–1856). Эти исследования позволили К. М. Бэру на основании собственных данных и сведений о Карабугазе, собранных ранее Г. С. Карелиным (1836 г. Ученые записки экспедиции Карелина находились у К. М. Бэра и после его смерти доставлены в 1878 г. Министерству иностранных дел. – *В. Ш.*) и лейтенантом Жеребцовым (1847 г.), построить «теорию залива (см.: [2]; АВПРИ. Ф. 161, II–21. Оп. 66. 1833–1835. Д. 1 «Об отправлении экспедиции титулярного советника Григория Карелина водою к северо-восточным берегам Каспийского моря для описания этих берегов и о награждении как самого Г. С. Карелина, так и прочих лиц, участвовавших в этой экспедиции»). Высказанное Г. С. Карелиным предположение о том, что причиной постоянного Карабугазского течения является более сильное испарение в заливе, в теории К. М. Бэра объясняет также и высокую концентрацию солей в водах залива. Однако К. М. Бэр сделал ошибочный вывод о том, что в заливе Кара-Богаз-гол (Карабугаз) наблюдается процесс самоосадки поваренной соли. В результате более чем на четверть века в научной литературе установилось ошибочное мнение о Карабугазе как о самом крупном соленом озере земного шара, типичном примере, объясняющем происхождение крупных месторождений соли, современном образце процессов отложения последних. Еще более это мнение утвердилось после анализа К. Шмидтом образца воды, доставленного О. А. Гриммом с Карабугаза.

Литература

Abich H. V. Vergleichende chemische Untersuchungen der Wasser Caspischen Meeres, Urmia und Van-Sees // St.-Pb. Ac. mem. 1856. № 7. S. 1–167.

Никитин М. В. Очерк физико-географических исследований // Карабугаз. 3-е изд. Л., 1930. С. 24–37 / Труды КЕПС. № 73.

Н. В. Юсупова,
Европейский университет в Санкт-Петербурге

К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИЙ ДНЕВНИКОВ МОНГОЛО-СЫЧУАНЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ П. К. КОЗЛОВА 1907–1909 гг.*

В 1923 г. вышла в свет книга П. К. Козлова «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото» (М.; Пг., 1923), написанная по дневникам Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. Работу над книгой-отчетом о путешествии П. К. Козлов начал сразу по окончании экспедиции, но она была прервана по ряду обстоятельств: написанием книги о Н. М. Пржевальском, подготовкой новой, неосуществленной из-за начала Первой мировой войны экспедиции, командировками в Монголию (1915 – конец 1916 г.), в Асканию-Нова (конец 1917 – весна 1919 г.), в Сибирские отделы РГО (1920 г.). Вернуться к книге он смог только в самом начале 1921 г., спустя более 10 лет после окончания Монголо-Сычуаньской экспедиции.

В связи с тем, что работа была продолжена уже в новых политических условиях Советской России некоторые события, зафиксированные в дневниках, были опущены или несколько переосмыслены. Кроме того, П. К. Козлову в подготовке книги помогала его жена, Е. В. Козлова, известный российских орнитолог. Она пыталась придать публикации более академический характер и значительно откорректировала своеобразный авторский стиль. По-видимому, по ее предложению в книгу были включены большие отрывки из работ российских востоковедов С. Ф. Ольденбурга и В. Л. Котвича в качестве комментариев по истории буддизма. Все это лишило книгу авторской индивидуальности. Об этом ее недостатке писали в своих развернутых рецензиях видные российкие ученые Б. Я. Владимирцов и Д. Н. Анучин.

Книга «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото» в 1925 г. была переведена на немецкий язык и опубликована в Берлине под

* Доклад подготовлен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-33-01065а.

редакцией немецкого путешественника В. Фильхнера (Kozlov P. K. Zur toten Stadt Chara-choto. Berlin, 1925). В 1955 г. второй, более расширенный, перевод на немецкий язык был опубликован в Лейпциге (Die Mongolei, Amdo und die tote Stadt Chara-choto. Leipzig, 1955). В 1929 г. она была переведена на чешский язык и издана в Праге (Mrtvé město Chara-Choto (Mongolsko a Amdo). Expedice Ruske zeměpisnй společnosti 1907–1909. Praha, 1929). В 1947 г. вышло ее второе, несколько сокращенное издание в России.

Долгие годы именно эта книга и ее переводы являлись для исследователей истории изучения Центральной Азии основным доступным источником информации о Монголо-Сычуаньской экспедиции и ее результатах.

В докладе будет рассмотрено значение оригинальных дневников Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова, хранящихся в Архиве Русского географического общества, как исторического источника. Работа над подготовкой к публикаци их полного текста началась в 2012 г.

Среди основных особенностей этих дневников можно выделить следующие характеристики:

– экспедиционные дневники для П. К. Козлова являются важной составляющей его исследовательской деятельности, первой ступенью будущей научной публикации. Они дают возможность увидеть повседневную деятельность путешественника, заглянуть в его творческую лабораторию, проследить зарождение его научных идей;

– к стилистическим особенностям дневников следует отнести тесное переплетение записей научно-делового и сугубо личного, интимного характера. Метеосводки, географическое описание маршрута следования, перечисление местных видов фауны и флоры перемежаются тонкими лирическими отступлениями, воспевающими красоты центральноазиатской природы и событиями личной жизни;

– дневники дают возможность изучить организацию и проведение экспедиции, органиазционные трудности, с которыми она сталкивалась при решении поставленных задач. В дневниках, например, подробно описано каким образом П. К. Козлов получал официальные разрешения китайских властей для изучения территории Китая и Монголии, что развевает еще встречающееся

у некоторых исследователей мнение, что экспедиция П. К. Козлова была исключительно военно-разведовательной, готовилась и действовала тайно от официальных китайких властей;

– несомненно, что весьма значима роль дневников для получения биографических сведений о путешественнике. В них содержится богатый фактологоческий материал как о самом П. К. Козлове, так и о его родных, друзьях, коллегах.

Т. И. Юсупова
СПбФ ИИЕТ РАН

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В СУДЬБЕ И ОТКРЫТИЯХ П. К. КОЗЛОВА*

Среди «героев географической науки», посвятивших свою жизнь изучению Центральной Азии, П. К. Козлов (1863–1935) занимает одно из видных мест, признанное российским и международным научным сообществом.

Выбор региона его исследовательской деятельности был предопределен Н. М. Пржевальским. Работая рядом с учителем, П. К. Козлов сформировался как профессиональный путешественник-естествоиспытатель, овладел и развил его экстенсивно-описательный метод маршрутной рекогносцировки, стал, по выражению академика С. Ф. Ольденбурга, «путешественником-энциклопедистом». Привезенные П. К. Козловым естественно-научные и археологические коллекции обогатили российские музеи, дали ценный материал для научного сообщества, положили начало новым специализациям в востоковедении и археологии и до сих пор являются актуальными для решения целого ряда научных вопросов.

Успеху его экспедиций во многом способствовали личные качества П. К. Козлова: талант географа-исследователя, обширные знания в разных отраслях страноведения, исключительная энергия, упорство, преданность своему делу. Он, одновременно, был прагматиком, умело использующим государственные интересы к центральноазиатскому региону для финансирования своих научных проектов, и романтиком, влюбленным в природу Центральной Азии и посвятившим ей вдохновенные строки в своих публикациях. В свою очередь Центральная Азия подарила ему, наряду с радостью общения со своей «дикой и грандиозной» природой, еще и два уникальных археологических открытия в Хара-Хото (1908–1909) и Ноин-Уле (1924–1925), которые сделали его имя широко известным во всем мире.

П. К. Козлов не только жил в эпоху географических открытий

* Доклад подготовлен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-03-00343а.

в Центральной Азии, но и сам сумел стать одним из тех, кто создавал эту эпоху. Он оставил яркий след в изучении этого региона и сыграл важную роль в популяризации российских географических успехов, в привлечении общественного внимания к профессии путешественника в первой четверти XX века.

В докладе будут рассмотрены некоторые факты биографии путешественника, дополненные новыми архивными данными, общественное восприятие его профессиональной деятельности и оценка результатов его исследований международным научным сообществом.

Н. И. Ясинецкая,
Биосферный заповедник «Аскания-Нова»,
Украина

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ, ОТЛОВА В ПРИРОДЕ И ЗАВОЗА В ЗООПАРКИ ЛОШАДИ ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Дикая лошадь была издавна известна кочевым народам Азии. Первое письменное упоминание о ней сделал тибетский монах, живший около 1100 лет назад. Данный вид оставался неизвестным Западу до опубликования Джоном Беллом в 1763 г. отчета «Путешествие из Санкт-Петербурга в Пекин». Новые сведения поступили в Европу в конце XIX столетия. Русский путешественник Н. М. Пржевальский в 1878 г. получил в подарок от начальника Зайсанского пограничного поста А. К. Тихонова шкуру и череп самца. По этим материалам И. С. Поляков в Петербурге в 1881 г. описал новый вид лошади, назвав ее Eguus przewalskii Poljakoff.

История поимки жеребят лошади Пржевальского в природе связана с именами Ф. Э. Фальц-Фейна, Е. А. Бихнера, Д. А. Клеменца и Н. И. Асанова. Навстречу желанию Ф. Э. Фальц-Фейна приобрести лошадей охотно пошел П. К. Козлов, давший ему консультацию. В 1886 г. состоялась встреча Д. А. Клеменца с Н. И. Асановым, где было решено провести отлов жеребят. Эта идея заинтересовала также Е. А. Бихнера. План работы обсуждался в Петербурге с участием Ф. Э. Фальц-Фейна, Д. А. Клеменца, Е. А. Бихнера, П. К. Козлова. Финансирование проекта согласился взять на себя Ф. Э. Фальц-Фейн. Первая экспедиция в Монголию 1898 г. оказалась неудачной. Весной 1899 г. поймали 7 жеребят. Из них только 4 молодые кобылки поступили в Асканию-Нова весной 1900 г. В 1900–1901 гг. ловля жеребят продолжалась. Значительная часть из этих животных была продана Н. И. Асановым звероторговцу Карлу Гагенбеку в 1901–1904 гг. Животных отправили в Англию, Францию, Голландию, Германию, США. Несколько особей поступили в Москву и Петербург. Ф. Э. Фальц-Фейну двумя партиями были доставлены еще 6 лошадей. В ре-

зультате в 1905 г. в Аскании-Нова родился первый жеребенок лошади Пржевальского в неволе. Всего из Монголии вывезли 53 особи, 11 из которых стали основателями всех ныне живущих лошадей Пржевальского. В 1947 г. в Монголии отловили последнюю дикую лошадь, а к началу 1970-х гг. лошадь Пржевальского окончательно исчезла в природе.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Александр Иванович
andreev_ai@inbox.ru
д. и. н., заведующий Музеем П. К. Козлова,
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН

Басханов Михаил Казбекович
baskhanov@btinternet.com
д. и. н., независимый исследователь,
г. Глазго, Великобритания

Батурин Юрий Михайлович
yubat@mail.ru
член-корреспондент РАН,
директор Института истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН,
г. Москва

Белка Любош (Belka Lubos)
belka@phil.muni.cz
профессор Департамента изучения религии
факультета искусств Университета Масарика (Masaryk University),
г. Брно, Чешская Республика

Богданов Евгений Сергеевич
bogdanov@archaeology.nsc.ru
к. и. н., ст. н. с.
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск

Бойкова Елена Владимировна
e.boykova@hotmail.com
к. и. н., ст. н. с.
Институт востоковедения РАН,
г. Москва

Боркин Лев Яковлевич
lacerta@zin.ru

к. б. н., ст. н .с.
Зоологический институт РАН,
Санкт-Петербургский союз ученых

Валеев Рамиль Миргасимович
valeev200655@mail.ru
д. и. н., профессор,
директор Института татарской энциклопедии
Академии наук Татарстана,
г. Казань

Вальквист Хокан (Håkan Wahlquist)
Hakan.Wahlquist@varldskulturmuseerna.se
старший куратор Азиатской коллекции
Музея этнографии,
хранитель фонда Свена Гедина
Шведской академии наук,
г. Стокгольм, Швеция

Валькова Ольга Александровна
o-val2@yandex.ru
к. и. н., ст. н. с.
Институт истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН,
г. Москва

Гарри Ирина Регбиевна
irina.garri@gmail.com
д. и. н., вед. н. с.
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ

Гнатюк Татьяна Юрьевна
t.gnatyuk@mail.ru
н. с., Музей П. К. Козлова
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

Горбунов Алдар Петрович
д. г. н., профессор, гл. н. с.
Институт мерзлотоведения им. П. И. Мельникова СО РАН,
г. Алматы, Казахстан

Горбунова Ирина Алдаровна
iagorb@mail.ru
к. г. н., доцент,
географический факультет
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Гунин Петр Дмитриевич
monexp@mail.ru
д. б. н., завлабораторией экологии аридных территорий,
начальник Российской части
Совместной Российско-Монгольской комплексной биологической
экспедиции РАН и Академии наук Монголии
Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН,
г. Москва

Длужневская Галина Вацлавна
g-dluzh@yandex.ru
д. и. н., заведующая Научным архивом
Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург

Дробышев Юлий Иванович
altanus@mail.ru
к. б. н., к. и. н., ст. н. с.
Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН,
Институт востоковедения РАН,
г. Москва

Елихина Юлия Игоревна
julia-elikhina@yandex.ru
к. и. н., ст. н. с.
Отдел Востока Государственного Эрмитажа,
г. Санкт-Петербург

Захаренко Игорь Антонович
orient_zaharenko@rambler.ru
д. г. н., профессор
Московский государственный университет
геодезии и картографии

Иванов Григорий Леонидович
ivanov85@mail.ru

н. с., ответственный хранитель фондов
«Археология», «Антропология»
Иркутского областного краеведческого музея,
г. Иркутск

Иванов Дмитрий Владимирович
dmitivanov@gmail.com
к. и. н., ст. хранитель
Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург

Капишовска Вероника (Veronika Kapišovská)
uvs@seznam.cz
старший преподаватель Секции монголоведения и тибетологии
Института Южной и Центральной Азии
философского факультета Карлова Университета (Univerzity Karlovy),
г. Прага, Чешская Республика

Ковалев Алексей Анатольевич
chemurchek@mail.ru
Руководитель Международной центральноазиатской
археологической экспедиции с российской стороны,
г. Санкт-Петербург

Колесников Александр Антонович
akol2006@gmail.com
д. и. н., профессор

Конашев Михаил Борисович
mbkonashev@mail.ru
д. филос. н., заместитель директора
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

Кравклис Нелли Никоноровна
rosvet1@yandex.ru
к. мед. н., писатель-краевед,
Смоленское отделение РГО,
г. Смоленск

Красникова Ольга Алексеевна
okras05@mail.ru

к. и. н., зав. сектором картографии
Библиотека РАН,
г. Санкт-Петербург

Краснодембская Нина Георгиевна
nigekrasno@mail.ru
д. и. н., вед. н. с.
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН
г. Санкт-Петербург

Мария-Катарина Ланг (Maria-Katharina Lang)
Nina.Lang@weltmuseumwien.at
Институт социальной Антропологии,
Австрийская академия наук,
г. Вена, Австрия

Лебедева Валентина Владимировна
burencheval@mail.ru
к. и. н., доцент кафедры социологии, политологии и истории
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Литвинчук С. Н.
Институт цитологии РАН,
Санкт-Петербургский союз ученых

Мандрик Мария Владимировна
mmandrik@mail.ru
к. и. н., ст. н. с.
Санкт-Петербургский филиала Архива РАН

Миняев Сергей Степанович
ssmin@yandex.ru
к. и. н., ст. н. с.
Института истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург

Новотный Владимир (Novotny Vladimir)
novotny@ffa.vutbr.cz
профессор
г. Брно, Чешская Республика

Полосьмак Наталия Викторовна
polosmaknatalia@gmail.com
член-корреспондент РАН, гл. н. с.
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск

Полянская Оксана Николаевна
polgrab@mail.ru
к. и. н., доцент
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ

Попова Ирина Федоровна
Irina_F_Popova@mail.ru
д. и. н., профессор,
директор Института восточных рукописей РАН,
г. Санкт-Петербург

Постников Алексей Владимирович
postnikov@comtv.ru
д. т. н., гл. н. с.
Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН,
г. Москва

Потапов Роальд Леонидович
roald.potapov@gmail.com
д. б. н., профессор, гл. н. с.
Зоологического института РАН,
г. Санкт-Петербург

Рожнов Сергей Владимирович
Rozhnov@paleo.ru
член-корреспондент РАН,
директор Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН,
г. Москва

Розанов Алексей Юрьевич
aroza@paleo.ru
академик РАН,
Палеонтологический институт им. А. А. Борисяка РАН,
г. Москва

Серегин Николай Николаевич
nikolay-seregin@mail.ru
к. и. н., ст. преподаватель кафедры археологии, этнографии
и музеологии ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»,
г. Барнаул

Слободник Мартин (Martin Slobodník)
martinslobodnik@hotmail.com
профессор Департамента Восточноазиатских исследований
факультета философии Комениус университета (Comenius University),
г. Братислава, Словацкая Республика

Снытко Валериан Афанасьевич
vsnytko@yandex.ru
член-корреспондент РАН, гл. н. с.
Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН,
г. Москва

Соболева Елена Станиславовна
essoboleva@rambler.ru
к. и. н., ст. н. с.
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург

Сутягина Наталья Александровна
na.sutiagina@gmail.com
м. н. с., Отдел Востока
Государственный Эрмитаж,
г. Санкт-Петербург

Схиммельпенninк ван дер Ойе Давид
(Schimmelpenninck van der Oye David),
профессор Университета Брока (Brock University),
г. Сент-Катаринс, Онтарио, Канада

Тугужекова Валентина Николаевна
д. и. н., профессор,
директор Хакасского научно-исследовательского
института языка, литературы и истории,
г. Абакан

Феклова Татьяна Юрьевна
telauan@rambler.ru
к. и. н., н. с.
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН

Хисамутдинов Амир Александрович
khisamut@yahoo.com
д. и. н., профессор
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток

Шелепова Елена Владимировна
ele-shelepova@yandex.ru
к. и. н., начальник отдела организации научных мероприятий,
преподаватель кафедры религиоведения
и государственно-конфессиональных отношений
Алтайский государственный университет,
г. Барнаул

Широкова Вера Александровна
shirocova@gmail.com
д. г. н., заведующая Отделом наук о Земле
Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН,
г. Москва

Юсупова Надежда Вадимовна
yusupovanadezda@yahoo.com
аналитик Отдела развития
Европейский университет в Санкт-Петербурге

Юсупова Татьяна Ивановна
ti-yusupova@mail.ru
к. и. н., и. о. вед. н. с.
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН

Ясинецкая Наталья Ивановна
yasynetska@rambler.ru
к. б. н., заместитель директора по научной работе
Биосферного заповедника «Аскания-Нова»,
Украина

Российское изучение Центральной Азии:
исторические и современные аспекты
(к 150-летию П. К. Козлова)

Подписано в печать 22.08.2013.
Формат издания 60x90 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Гарнитура SchoolBookC. Печать ризография. Усл. печ. л. 7,75.
Тираж 150 экз. Заказ 245.

ISBN 978-5-906078-93

Отпечатано в типографии «К-8».
Санкт-Петербург, Измайловский пр., 18-д.